

National Library of Canada

Cataloguing Branch
Canadian Theses Division

Ottawa, Canada
K1A 0N4

Bibliothèque nationale du Canada

Direction du catalogage
Division des thèses canadiennes

NOTICE

The quality of this microfiche is heavily dependent upon the quality of the original thesis submitted for microfilming. Every effort has been made to ensure the highest quality of reproduction possible.

If pages are missing, contact the university which granted the degree.

Some pages may have indistinct print especially if the original pages were typed with a poor typewriter ribbon or if the university sent us a poor photocopy.

Previously copyrighted materials (journal articles, published tests, etc.) are not filmed.

Reproduction in full or in part of this film is governed by the Canadian Copyright Act, R.S.C. 1970, c. C-30. Please read the authorization forms which accompany this thesis.

**THIS DISSERTATION
HAS BEEN MICROFILMED
EXACTLY AS RECEIVED**

AVIS

La qualité de cette microfiche dépend grandement de la qualité de la thèse soumise au microfilmage. Nous avons tout fait pour assurer une qualité supérieure de reproduction.

S'il manque des pages, veuillez communiquer avec l'université qui a conféré le grade.

La qualité d'impression de certaines pages peut laisser à désirer, surtout si les pages originales ont été dactylographiées à l'aide d'un ruban usé ou si l'université nous a fait parvenir une photocopie de mauvaise qualité.

Les documents qui font déjà l'objet d'un droit d'auteur (articles de revue, examens publiés, etc.) ne sont pas microfilmés.

La reproduction, même partielle, de ce microfilm est soumise à la Loi canadienne sur le droit d'auteur, SRC 1970, c. C-30. Veuillez prendre connaissance des formules d'autorisation qui accompagnent cette thèse.

**LA THÈSE A ÉTÉ
MICROFILMÉE TELLE QUE
NOUS L'AVONS REÇUE**

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
В ГАЛИЦКО-ВОЛЫНСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Ярмила Чех

LE DATIF ABSOLU DANS LA CHRONIQUE
DE GALICIE ET VOLHYNIE

par Jarmila Čech

Thèse présentée à l'École des Études supérieures
de l'Université d'Ottawa en vue
de l'obtention de la Maîtrise ès Arts
en Études Slaves

Ottawa, Canada, 1977

RECONNAISSANCE

Cette thèse a été préparée sous la direction de Monsieur Bohdan Plaskacz, Ph. D., professeur titulaire au Département des Etudes Slaves à qui j'exprime toute ma reconnaissance pour son aide et ses conseils judicieux.

CURRICULUM STUDIORUM

Jarmila Cech est née à Prague, Tchécoslovaquie, le
25 janvier 1949. Elle obtint l'éducation équivalente au
B.A. en 1970 à l'Université du 17 Novembre à Prague.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава	страница
ВВЕДЕНИЕ	vi
I.- ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО /ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/.	I
II.- ЗНАЧЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО.	24
III.- ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО.	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	86
БИБЛИОГРАФИЯ	89
Приложение	
РЕЗЮМЕ ДИССЕРТАЦИИ <u>Дательный самостоятельный</u> <u>в Галицко-Волынской</u> <u>летописи</u>	93

TABLE DES MATIERES

Chapitres	pages
INTRODUCTION	vi
I.- LE PROBLEME DE L'ORIGINE DU DATIF ABSOLU (LA REVUE DE LA LITTERATURE LINGUISTIQUE).	I
II.- LES FONCTIONS SEMANTIQUES ET SYNTAXIQUES DU DATIF ABSOLU	24
III.- L'EMPLOI STYLISTIQUE DU DATIF ABSOLU	49
CONCLUSION	86
BIBLIOGRAPHIE.	89
Appendice	
SOMMAIRE DE <u>Le datif absolu</u> <u>dans la Chronique</u> <u>de Galicie et Volhynie</u>	93

ВВЕДЕНИЕ

Оборот дательный самостоятельный — одно из до сих пор не вполне объясненных явлений славянского синтаксиса.

Задачей предлагаемой работы будет проследить историю и достижения научной литературы, посвященной дательному самостоятельному и, главным образом, исследовать употребление данного оборота в Галицко-Волынской летописи.

Абсолютивная причастная конструкция дательный самостоятельный состоит из имени существительного или местоимения в дательном падеже и причастия, как правило в краткой форме, в том же падеже, выполняющего функцию близкую функции глагольного сказуемого. Дательный падеж главных членов оборота не зависит ни от глагола, ни от имени ^в предложении, к которому оборот присоединяется.

Дательный самостоятельный распространен в произведениях старославянской литературы с самого ее начала, а позже его находим главным образом в памятниках древнерусского литературного языка, где он, не учитывая отдельных случаев, выходит из употребления к концу XIII века. Однако, употребление оборота ограничивалось в древнерусской литературе определенными жанрами, одним из которых является летопись.

Среди летописей частотой употребления дательного самостоятельного выделяется Галицко-Волынская летопись. Таким образом она служит подходящим материалом для предлагаемого

исследования синтаксических функций и смысловых значений оборота и для определения его места в синтаксической системе летописи вообще. Тот факт, что Галицко-Волынская летопись, как показывает ее название, состоит из двух частей, которые отличаются друг от друга различным авторством и некоторыми стилистическими чертами, будет тоже служить второй цели анализа — исследованию возможности стилистического употребления оборота, как в летописном жанре вообще, так и в стиле отдельных лиц.

Галицко-Волынская летопись, работа над которой завершилась к концу XIII века, излагает события югозападной Руси. Ее первая, большая часть — летопись собственно Галицкая — открывается 1205 г. и ведет свое повествование до 1260 г. Вторая часть летописи, Волынская, начинается с 1261 г. и кончается 1292 годом. Летопись сохранилась как третья, последняя часть Ипатьевского летописного свода, датированного концом первой четверти XV века. Этот летописный свод представляет собой древнейшую копию южнорусского свода конца XIII века. Кроме Ипатьевского списка сохранились четыре списка позднейшей даты.

Материалом исследования служит текст Галицко-Волынской летописи в издании Ипатьевская летопись, Полное собрание русских летописей, АН СССР, том 2, Москва, 1962, представляющий собой переиздание 1908 г.

Сведения о дательном самостоятельном как явлении ста-

рославянского языка и черты языка древнерусской литературы находят место в ряде исторических грамматик и в небольшом числе отдельных работ. Интерес исследователей, изучающих дательный самостоятельный, сосредоточивался прежде всего на проблеме генезиса этой конструкции. Другие вопросы, связанные с оборотом, например вопрос о его функциях и значениях, грамматическом оформлении и стилистическом использовании в языке, ставились гораздо реже.

И. Белоруссов в своей статье Дательный самостоятельный падеж в памятниках церковнославянской и древнерусской письменности, опубликованной в 1899 г., анализируя старославянские памятники и различную по жанру древнерусскую литературу XI-XII вв. занялся тоже проблемой происхождения оборота. Кроме того, Белоруссов первым тоже определил ряд синтаксических функций, выполняемых оборотом, указал отличия старославянского дательного самостоятельного от соответствующей древнерусской конструкции и отметил расширение числа функций оборота в древнерусской литературе в сравнении со старославянскими памятниками.

Детальный анализ дательного самостоятельного памятников старославянского языка дает в своей статье Я. Станислав (Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine, 1933-34.).

Автор тоже занимается влиянием греческого родительного самостоятельного на старославянский оборот и кроме того обращает внимание на употребление дательного самостоятельного в разных славянских языках.

Ближе сравнением дательных самостоятельных в старославянских текстах и соответствующих средств в греческих подлинниках занялся Л. Нечасек /1957/, а также Б.И. Скупский /1973/.

Дискуссию о происхождении дательного самостоятельного продолжали далее своими статьями В. Полак /1948/, П. Трост /1958/, Р. Ружичка /1961/, В.И. Борковский /1963/, Х. Андерсен /1970/, Х. Бирнбаум /1974/ и другие.

Изучением дательного самостоятельного, употребляемого в языке древнерусской литературы занималась, начиная со своей кандидатской диссертации, Л.В. Граве. В своих статьях она определила черты сходства дательного самостоятельного с оборотом, включающим в свой состав причастное второстепенное сказуемое /1958/, описала формы причастий в роли предиката оборота /1964/ и исследовала возникновение стилистических функций оборота в позднейшем периоде его употребления, в XVI-XVII вв. /1970/.

Одной из немногочисленных работ, изучающих язык Галицко-Волинской летописи, является статья Д. Чижевского Zum Stil der Galizisch-Volynischen Chronik, появившаяся в 1953 г. Автор в ней, на основе дистрибуции дательного самостоятельного в летописи, стремится определить авторов летописи, ее происхождение и описать её стиль.

В одной из новейших работ на тему оборота Г. Берент анализирует старославянский дательный самостоятельный при помощи генеративного метода /1973/.

С первых же работ, посвященных истории славянских

языков, ученые ставят себе основной и до сих пор не решенный вопрос, являлся ли дательный самостоятельный исконной славянской конструкцией, или перенесенной из другого языка. Критически изучить все богатство мыслей и теорий, отвечающих на этот и целый ряд сопровождающих вопросов, будет целью первой главы предлагаемой работы.

В следующих двух главах приступим к анализу случаев употребления дательного самостоятельного в Галицко-Волынской летописи. Во второй главе займемся описанием синтаксических функций и смысловых значений оборота. Обратим при этом внимание на оформление оборота в связи с его значениями и на его соотношение с другими средствами выражения подобных функций и значений. В течение этого синтаксического анализа будут изучены все обороты, встречаемые в летописи, и определено их количество и пропорции оборотов, имеющих разные функции.

Третья глава будет представлять анализ дательного самостоятельного в роли стилистического средства. Определить степень и разновидности этой роли, общее влияние стиля старославянских памятников и значение индивидуальной манеры письма отдельного автора — вот основная цель.

В заключении объединим результаты работы, в особенности двух аналитических частей, надеясь способствовать лучшему пониманию дательного самостоятельного и его употребления в языке древнерусской литературы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО /ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

Абсолютивные причастные конструкции, подобные славянскому дательному самостоятельному, находились в большинстве индоевропейских языков. Почти всеобщно признается, что эти конструкции несвойственны индоевропейскому языку, а развились позже, уже в отдельных языках. Но если нет сомнений в том, что например древнеиндийский местный и родительный самостоятельный местного происхождения и, подобно тому, греческий родительный самостоятельный и латинский *ablativus absolutus*, происхождение славянского дательного самостоятельного остается неясным.

Проблема происхождения дательного самостоятельного всегда привлекала к себе внимание лингвистов, вследствие чего и возник ряд теорий, решающих основной вопрос: был ли дательный самостоятельный результатом подражания греческому языку и его обороту родительный самостоятельный, или явлением, независимо возникшим на славянской почве. С точки зрения употребления данного оборота в древнерусском языке ищут ответа на вопрос, является ли дательный самостоятельный в древнерусских памятниках результатом влияния старославянского языка или исконной русской чертой.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО 2

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/.

Цель данной главы — рассмотреть научные работы, посвященные проблеме происхождения дательного самостоятельного и родственному вопросу о появлении этого оборота в древнерусской письменности, так как эти исследования, несмотря на различие выводов, наметили рамки и направления, в которых можно искать решения данных проблем, и вообще внесли много нового в понимание оборота дательный самостоятельный.

Пример дательного самостоятельного, т.е. сочетания имени в дательном падеже с согласованным с ним причастием, выполняющим функцию, близкую к функции глагольного сказуемого, находим уже в труде М. Смотрицкого Грамматики словенска правилное сунтама /1619 г./, который в правиле 12-ом "а дательномъ со глаголомъ самостоятелномъ" впервые вводит русское название оборота.¹

Й. Добровский, П.Я. Шафарик и А.Х. Востоков отмечают употребление дательного самостоятельного, но как подчеркивает Ян Станислав², они также не выражают своего мнения о происхождении оборота.

¹ См.: Я.А. Спринчак, Очерк русского исторического синтаксиса /Простое предложение/, Киев, 1960, стр. 217.

² Jan Stanislav, "Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine", Byzantinoslavica, 5, 1933-34, стр. I-II2.

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

Ф.И. Буслаев в своей исторической грамматике русского языка³ говорит только о соответствии славянского дательного самостоятельного с родительным в греческом, аблативом в латинском и также дательным в готском. Буслаев, вероятно, не исключал возможности, что дательный самостоятельный возник под греческим влиянием, но с другой стороны этот исследователь один из первых приводит пример употребления данного оборота и там, где в греческом подлиннике не родительный самостоятельный, а именительный с глаголом.⁴

Ф.Миклошич⁵ считал ошибочным мнение, что дательный самостоятельный в славянских языках не существовал и появился в старославянском только в результате подражания греческим текстам. Он говорит, что это мнение основано повидимому только на том, что кроме старославянского языка дательный самостоятельный отмечен только в украинском, где сказалось старославянское влияние. Миклошич в таком случае ожидал бы не дательного, а родительного самостоятельного. В пользу славян-

³ Ф.И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, Москва, 1959, стр. 466-467. Впервые издано под названием Опыт исторической грамматики русского языка в 1858 г.

⁴ Ф.И. Буслаев, указ. соч., стр. 466.

⁵ Franz Miklosich, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, IV, Syntax, Heidelberg, 1926, стр. 614-619.

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

ского происхождения дательного самостоятельного этот ученый приводит и тот факт, что данный оборот встречается и в готском и других древнегерманских диалектах, и также в литовском и латышском языках. Миклошич опирается далее на примеры употребления оборота в украинском языке, где причастие уже перешло в неизменяемую форму деепричастия и признает употребление дательного самостоятельного в чешском и польском языках.

Таким образом, Миклошич положил начало теории славянского происхождения дательного самостоятельного и хотя нельзя сказать, что ему удалось вполне доказать самобытное образование дательного самостоятельного в славянских языках, выдвинутое им различие падежей в греческой и славянской абсолютной конструкции несомненно показывает, что дательный самостоятельный не мог возникнуть как простое перенесение греческого родительного самостоятельного на старославянскую почву.

Объяснение самого возникновения оборота Миклошич хотел искать в употреблении /очень редком/ дательного как обозначения времени какого-нибудь события: "утро пробръзгу зѣло вѣставъ" /Мар., I, 35/.⁶

Данное объяснение отвергает А.А. Потебня⁷, по мнению

6 F. Miklosich, указ. соч., стр. 615.

7 А.А. Потебня, Из записок по русской грамматике, том I-2, Москва, 1958, стр. 324-335.

которого для дательных самостоятельных "исходною точкою представляется оборот с первым дательным, непосредственно дополняющим главное сказуемое". К этому выводу Потебня далее отмечает:

Конечно, между выражением с дат. самост. "пюцю /пючи/ е му съ Угры ѿ повѣдь имъ" и другим "пюцю ему и повѣдаша е м у", рассматриваемым как первообраз первого, большая разница; но ведь и всякая новая грамматическая форма по отношению к предшествующей кажется скачком.⁸

Примеры, приведенные Миклошичем, Потебня считает сомнительными, они "могут не объяснять дательные самостоятельные, а, наоборот, требовать объяснения с их стороны".⁹ Потебня привел и пример Миклошича "въскресе цѣломъ печатемъ" с его объяснением "т.е. сжстемъ"¹⁰ и пример западноукраинской пословицы "самому тобі в лісі товарища не знайдеш", в которой И.И. Срезневский¹¹ подразумевал причастие будучу, отмечая, что, напротив, значение времени в других падежах - винительном, творительном, родительном - вполне несомненно и обычно.¹²

⁸ А.А. Потебня, указ. соч., стр. 334.

⁹ Там же, стр. 335.

¹⁰ Franz Miklosich, указ. соч., стр. 827.

¹¹ И.И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, Москва, АН СССР, 1959, стр. 62-63.

¹² А.А. Потебня, указ. соч., стр. 335.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО 6

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

К выводам А.А. Потебни приближается мнение В. Вондрака, который считал, что дательный самостоятельный образовался из конструкции глагол дополняющего дательного с аппозитивным причастием. По мнению Вондрака данное сочетание начало пониматься в обстоятельственном значении и дательный, как носитель действия, начал тяготеть к причастию. Впоследствии оборот дательный самостоятельный стоит и при глаголе, не допускающем дополнения в дательном.¹³

Если допустить, что дательный самостоятельный подражание греческому языку, Вондрак, как и Миклошич, ожидал бы родительного самостоятельного и в старославянских текстах; кроме того, он обращает внимание также на существование дательного самостоятельного в готском и балтийских языках. Вондрак отмечает и несоответствие в отношении употребления абсолютных конструкций в старославянских текстах и их греческих подлинниках, говоря о том, что целые греческие предложения переводятся дательным самостоятельным и наоборот.¹⁴

С другой стороны, И. Белоруссов в своем исследовании "Дательный самостоятельный падеж въ памятникахъ"

¹³ Wenzel Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik, 2, Formenlehre und Syntax, Göttingen, 1928, стр. 403.

¹⁴ Там же, стр. 403.

церковно-славянской и древне-русской письменности" /Русский филологический вестник, т. 41, 1899, стр. 71-146/

приходит к выводу, что:

/.../ дательный самостоятельный возник и образовался в церковно-славянском языке под влиянием греческого родительного самостоятельного и потому не мог не иметь с ним близкого сродства и сходства; но будучи введен в область древне-русского книжного языка, он, не переставая исполнять функций греческого родительного самостоятельного, расширил область своего употребления и стал явлением оригинальным.¹⁵

В основе утверждения Белоруссова лежит тот факт, что старославянский синтаксис развивался под влиянием синтаксиса греческих церковнобогослужебных книг, переведенных на старославянский язык, а также сходство употребления абсолютных конструкций в данных языках. Но Белоруссов подчеркивает, что замена родительного самостоятельного дательным самостоятельным не была механической, несоответствующей природе старославянского языка, так как, во-первых, в таком случае пришлось бы считать дательный падеж конструкции "странным и необъяснимым капризом языка" и лучше было бы сохранить греческий родительный самостоятельный и, во-вторых, сравнение старославянских переводов с их подлинниками показывает, что дательный самостоятельный находится

¹⁵ И. Белоруссов, указ. соч., стр. 98.

и не на месте греческого оборота, следовательно, область употребления дательного самостоятельного была шире области греческого родительного самостоятельного.¹⁶ Кроме того Белоруссов отметил и примеры дательного самостоятельного, не имеющие соответствия в греческом родительном самостоятельном.

Таким образом Белоруссов, выдвинув теорию греческого влияния на образование дательного самостоятельного, приводит и доказательства самостоятельного развития данного оборота в старославянском и древнерусском языках. Именно поэтому к его исследованию прибегают не только сторонники, но и противники теории греческого влияния.

Следует еще подчеркнуть, что Белоруссов на основании того факта, что дательный самостоятельный встречается главным образом в литературных памятниках, отличающихся возвышенностью стиля и отсутствует в памятниках, близких живой русской речи, считает данный оборот принадлежностью старославянского, а не собственно русского языка.

Книжный характер дательного самостоятельного отмечает тоже Е.С. Истрина, занявшаяся исследованием синтаксического строя Синодального списка I Новгородской летописи.

¹⁶ И. Белоруссов, указ. соч., стр. 72-73.

Истрина, однако, не исключает возможности возникновения данного оборота в славянских языках из зависимого дательного.¹⁷

Следовательно, уже в научной литературе старшей поры намечается в отношении решения вопроса о происхождении дательного самостоятельного основное расхождение взглядов — с одной стороны, дательный самостоятельный считается результатом влияния греческого языка, с другой — явлением, самобытно возникшим на славянской почве.

Первое утверждение опирается на факт влияния греческого языка на старославянский язык, сказавшегося именно в области синтаксического строя, на определенное сходство функций дательного самостоятельного и греческого родительного самостоятельного, а также на ограниченное употребление дательного самостоятельного в славянских языках, т.е. только восточнославянских, которые в свою очередь находились под старославянским влиянием.

В пользу второго утверждения, т.е. что дательный самостоятельный — исконно славянское явление, приводится различие падежей славянской и греческой абсолютных конструкций, несоответствие старославянских переводов и их греческих под-

¹⁷ И.С. Истрина, "Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи", Известия ОРЯС, том 26 /1921/, 1923, стр. 217.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО . 10
/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

линников в отношении употребления дательного самостоятельного и родительного самостоятельного, существование дательного самостоятельного в готском и балтийских языках, примеры на употребление данного оборота /с формой деепричастия/ в украинском языке и, не на последнем месте, также объяснение возникновения оборота влиянием зависимого дательного.

Что касается вопроса о появлении дательного самостоятельного в древнерусской письменности, данный оборот считают или старославянским влиянием /независимо от мнения о происхождении оборота вообще/, или исконной чертой.

Полемика между сторонниками отдельных теорий продолжается в научных работах новейшего времени.

В начале тридцатых годов появляется исследование Яна Станислава, "Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine" (Byzantinoslavica, 5, 1933-34, стр. 1-112), представляющее результат подробного анализа оборотов дательный самостоятельный во всех старославянских канонических текстах. По мнению автора, дательный самостоятельный памятников старославянского языка вышел из языка живого. Рассмотрим более подробно доводы, приводимые Станиславом, так как признание или отрицание этих аргументов, намеченных уже учеными старшей поры, является основным и для всякой теории новейшего времени.

По мнению Станислава, одним из доказательств славянского происхождения дательного самостоятельного служит тот

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО II
/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

факт, что в функции абсолютного падежа выступает именно дательный, то-есть падеж, отличающийся в славянских языках наибольшей функциональной нагрузкой.¹⁸ Станислав признает, что это не самое главное доказательство, так как и в случае подражания греческому языку можно было бы предполагать, хотя и не с полной уверенностью, что хороший славянский переводчик мог ввиду приведенной причины избрать дательный, вместо греческого родительного. Однако, против этого говорил бы, по мнению автора, тот факт, что не все славянские переводчики владели в совершенстве греческим языком /как это видно, например, в Супрасльской рукописи/ и что можно было бы думать следуя за Миклошичем и Вондраком, что родительный самостоятельный встречался бы если не везде /переводчики евангелий хорошо знали греческий и старославянский языки, следовательно, их работы могли служить образцом/, то по крайней мере чаще, чем это действительно имело место.

В пользу теории местного происхождения исследуемого оборота Станислав далее приводит и самостоятельное восприятие славянскими переводчиками греческих текстов по смыслу и синтаксическим отношениям и, следовательно, самостоятельное замещение других греческих оборотов дательным самостоятельным и, наоборот, греческий родительный самостоятельный другими средствами, чем дательный самостоятельный. По его на-

¹⁸ Jan Stanislaw, указ. соч., стр. 33.

блюдениям дательный самостоятельный встречается на месте греческого субстантивизированного инфинитива с $\epsilon\nu\ \tau\tilde{\omega}$, винительного с инфинитивом, независимого причастия, а также временного предложения с $\delta\tau\epsilon$. С другой стороны, хотя греческому родительному самостоятельному чаще всего соответствует дательный самостоятельный, находятся и примеры, в которых родительный самостоятельный переведен причастием в именительном или выражением с личным глаголом. Эти случаи по словам Станислава показывают, что "в инвентаре средств выражения старославянского переводчика дательный самостоятельный являлся живым членом".¹⁹

В поддержку своего утверждения Станислав указывает и на подобные обстоятельства в отношении готских переводных текстов, в которых дательный самостоятельный тоже иногда стоит независимо от родительного самостоятельного греческого подлинника. Станислав опирается и на тот факт, что группа балтийских языков, самая близкая славянской, обладает также дательным самостоятельным, исконный характер которого не подлежит сомнению.²⁰

Станислав подходит с осторожностью к примерам остатков дательного самостоятельного /с формой деепричастия/, отмеченным в украинских говорах, но все таки считает их возмож-

¹⁹ Jan Stanislaw, указ. соч., стр. 31.

²⁰ Там же, стр. 33.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО 13
/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

ным доказательством славянского происхождения оборота. Нерешенным признает этот исследователь вопрос, был ли дательный самостоятельный живым явлением древнерусского языка или только старославянским привнесением. С другой стороны, деепричастия типа играештем, ходештем и др., отмеченные в конце прошлого века в болгарских говорах, которые Станислав считает остатками дательного самостоятельного, служат ему одним из важнейших доказательств того, что дательный самостоятельный, бывши исконно славянским явлением, вошел в язык старославянских памятников из живого языка. Притом Станислав признает, что греческие тексты способствовали развитию данного оборота в старославянском языке, выполнявшем функцию литературного языка. 21

Однако, окончательного решения исследование Станислава не принесло. Именно примеры остатков дательного самостоятельного в болгарских говорах считаются даже сторонниками теории славянского происхождения данного оборота неубедительными /с другой стороны, усиленное внимание уделяется примерам на употребление оборота или его остатков в деловых памятниках и разговорной речи восточнославянских языков/, ищутся и новые доводы в пользу того, что употребление в абсолютной функции дательного в отличие от греческого родительного не противоре-

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

чит предположению, что дательный самостоятельный возник в старославянском языке под влиянием греческого.

Л.А. Булаховский²², сторонник теории славянского происхождения дательного самостоятельного, считает сомнительными примеры остатков оборота как в болгарском, так и в украинском языках. Большого доверия, по его мнению, заслуживают севернорусские диалектные факты, напр.: Я выехал уже закатившись солнцу и такие древнебелорусские выражения, отмеченные в деловых памятниках XV - XVI вв., как: ...в небытности мужа своего, Грицка Ивановича Гричиновича, будучи ему на службе господарской земской...к селу Глинной до двора матки своее Ганны семеновой Туровой пошла... Относительно употребления дательного самостоятельного в русской литературе Булаховский пишет: "Весьма вероятно, что употребление дательного самостоятельного уже в древней летописи - факт только книжный, отражающий влияние церковнославянских образцов".²³

К. Горалек²⁴, называя дательный самостоятельный старославянской и восточнославянской особенностью, не отрицает совсем возможность подражания греческому языку, оно не должно

22 Л.А. Булаховский, Исторический комментарий к русскому литературному языку, 5-ое издание, Киев, 1958, стр. 438-441.

23 Там же, стр. 439.

24 Karel Horálek, Úvod do studia slovanských jazyků, Praha, 1955, стр. 265.

было быть механическим, первые переводчики могли сознавать, что славянским языкам лучше чем в родительном, подходит выражение в дательном.

В согласии с этим Л. Нечасек²⁵ учитывает возможность, что дательный самостоятельный появился в старославянском языке благодаря переводческой деятельности Константина и Мефодия, пользовавшихся образцом греческого родительного самостоятельного. Нечасек уверен в том, что дательный самостоятельный характерная черта только старославянского синтаксиса. Примеры остатков данного оборота в живых украинском и болгарском языках по его мнению результат влияния старославянского языка. Относительно древнерусского дательного самостоятельного Нечасек согласен с выводом П.Я. Черных²⁶, что дательный самостоятельный, несмотря на его широкое употребление в некоторых литературных памятниках, был чужд /раньше и в новое время/ живому разговорному языку и поэтому можно его считать заимствованным из старославянского языка.

Употребление именно дательного в функции абсолютного-

²⁵ Ladislav Nečas, "Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy v řeckém textu evangelií", Slavia, 26, 1957, стр. 13-30.

²⁶ П.Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, Москва, 1954, стр. 245.

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

го падежа Неčasек объясняет следующим способом:

Okolnost, že dativní vazba participiální může být v stsl. i adnominálním přívlastkem, rovnajícím se řeckému posesivnímu genitivu participia, jistě usnadňovala a ospravedlňovala záměnu genitivu absolutního dativem absolutním na těch četných místech, kde toho při nespojitém charakteru vazby bylo třeba.²⁷

Р. Вечерка²⁸ приводит подобную аргументацию Р. Ружички, который выбор падежа в случае славянского дательного самостоятельного объясняет более общим образом как воздействие аналогии, основой которой является уравнение греческий родительный = старославянский дательный. Употребление дательного, возможно, могло приблизить данную конструкцию к славянскому чутью языка.

Против этого П. Трост²⁹ выдвигает возражение, что не имеет смысла ссылаться на равноценность родительного и дательного /адноминального/, так как в старославянских текстах отмечается именно только дательный самостоятельный, а не колебание между родительным самостоятельным и дательным самостоя-

27 Ladislav Nečas, указ. соч., стр. 17.

28 Radoslav Večerka, Syntax aktivních participií v staroslověnině, Praha, 1961, стр. 53.

29 Pavel Trost, "O dativa absolutním", Sborník slavistických prací věnovaných IV. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě, Karel Horálek, редактор, Praha, 1958, стр. 33-36.

тельным. По его словам, нельзя предполагать, что старославянские переводчики стремились одновременно подражать греческому языку и отклоняться от него. П. Трост полагает, что дательный самостоятельный — явление славяно-балтийское, сохранившееся в балтийских языках и вышедшее из употребления в славянских языках.³⁰

Приведенное возражение П. Троста критикует Р. Вечерка³¹, по мнению которого оно имеет свою цену, но только при предположении, что оно нацелено против понимания дательного самостоятельного как механической кальки, которой данный оборот безусловно не был. В отношении того, что дательный самостоятельный отмечен в готском и главным образом в балтийских языках Вечерка отмечает, что это сходство не слишком показательное, так как синтаксическая конструкция, как "мотивированное" средство могла возникнуть в каждом языке отдельно, независимо друг от друга.³²

Этот исследователь подходит скептически и к примерам остатков дательного самостоятельного в украинских и болгарских говорах, приводимых как доказательство самобытного образования дательного самостоятельного в славянских языках. Первые, по

30 Pavel Trost, указ. соч., стр. 33.

31 Radoslav Večerka, указ. соч., стр. 55.

32 Там же, стр. 54.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО 18

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

его мнению, слишком единичные и неубедительные, вторые, т.е. причастия с окончаниями -штим, -штем, -щум, -к'ум, Вечерка объясняет, следуя за В. Щепкиным, как возникшие из первоначальной формы именительного, к которой впоследствии присоединилось окончание -м по аналогии к наречиям, как напр.: ничк'ум, редум и др.³³

По мнению Вечерки, дательный самостоятельный имел свои корни в живых славянских языках, напр. в зависимом дательном с аппозитивным причастием, дополняющем глагольное сказуемое, но вполне сформировался только на старославянской почве, как одно из книжных средств. Образованию данного оборота способствовал греческий язык, но не как источник, а более как инспириатор потребностей и способов выражения, в которых, за их неимением в живой разговорной основе, старославянский язык, как язык книжный, нуждался. Вечерка тоже подчеркивает, что старославянский язык — результат труда филологически образованных лиц, которые могли отделить, дотворить разговорную основу языка в целях книжного употребления.³⁴

Таким образом, Вечерка, считая дательный самостоятельный книжным средством старославянского языка, но ни грецизмом в буквальном смысле слова, ни средством, вполне образовавшимся и обыкновенным в живых славянских языках, занимает в отношении

33 Radoslav Večerka, указ. соч., стр. 55.

34 Там же, стр. 56.

проблемы происхождения данного оборота среднюю позицию.

Исследованием дательного самостоятельного в восточно-славянских языках снова ближе занялся В.И. Борковский³⁵, стремясь ответить на вопрос, можно ли считать дательный самостоятельный древнерусских памятников заимствованием или исконным явлением. Отмечая, что данный оборот употреблялся в тех древнерусских памятниках, характерной чертой которых являются книжные обороты речи и что он отсутствует в древнерусских деловых документах³⁶, Борковский обращает внимание на деловые документы староукраинского и старобелорусского языков XV-XVII вв., в которых отмечаются примеры, как: едучы мне через тое село и маючы некоторую потребу до Мурашка, ступиль был есми до него в двор. Подобные примеры пережиточных форм дательного самостоятельного встречаются в белорусских говорах, не только в фольклоре, но и в разговорной речи: Стоячы яму ў вадзе п'яўка упілася ў нагу. Отголосками оборота Борковский признает и случаи из севернорусских диалектов, как: он выехал закатившис солнцу, а приехал пробивши 12 часов. Борковский уверен тоже в том, что и южным говорам не был чужд дательный самостоятельный и приводит примеры: д'он п'ат' прашло

35. В.И. Борковский, "Два синтаксических этюда", Славянская филология, том 3, 1963, стр. 247-254.

36. Отсутствие дательного самостоятельного в древнерусских грамотах отмечается В.И. Борковским также в труде Синтаксис древнерусских грамот /Простое предложение/, Львов, 1949, стр. 361.

йаму рад'ившы; с'ём гадоў йаму пам'бршы.³⁷ Следовательно,

Борковский доходит к выводу, что:

Наличие пережиточных явлений дательного самостоятельного в отдельных славянских языках позволяет внести поправку в вывод И.М. Белоруссова, а именно считать, что этот оборот представляет собою одну из особенностей славянского синтаксиса, в частности - восточнославянского.³⁸

Борковский продолжает:

В восточнославянских языках дательный самостоятельный, по-видимому, не имел широкого повсеместного распространения. Этим и объясняется тот факт, что он проник не во все жанры древнерусской литературы, стал одним из элементов /особенно в первоначальном виде - с согласованным причастием в дат. п./ книжной речи.³⁹

Заметим, что в приведенных выводах В.И. Борковского отсутствует определение степени, в которой введению дательного самостоятельного в древнерусский литературный язык способствовал язык старославянский, тем более, что ему не удалось доказать, что дательный самостоятельный был в областях, в говорах которых отмечены примеры следов оборота, вполне развитым и обыкновенным средством выражения.

³⁷ В.И. Борковский, Два синтаксических этюда, стр. 252-253.

³⁸ Там же, стр. 254.

³⁹ Там же.

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

В отношении староукраинских и старобелорусских памятников можно тоже полагать, что дательный самостоятельный /в форме деепричастия и имени в дательном/ в них употреблялся под влиянием литовского языка, имея в виду длительное историческое развитие украинской и белорусской народностей в Литовском княжестве.⁴⁰

Подобно В.И. Борковскому, Л.А. Коробчинская⁴¹, опираясь на особенности употребления дательного самостоятельного в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку /употребление оборота главным образом в повествовательном тексте, где автор пользуется свободой в выборе синтаксических средств, многогранность значения оборота и др./, а также на остатки оборота в украинских пословицах и поговорках, уверена, что дательный самостоятельный носил не только книжный характер, но был употребительным и в живом русском языке.

Тожe Л.В. Граве⁴² на основании того, что дательный самостоятельный в древнерусском языке мог видоизменяться под

⁴⁰ В.И. Борковский /Редактор/, Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков, Члены предложения, Москва, 1968, стр. 278.

⁴¹ Л.А. Коробчинская, "Дательный самостоятельный в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г.", Доповіді та повідомлення Львівського Держ. університету, вып. 3; ч. I; 1952; стр. 19-21.

⁴² Л.В. Граве, "Две разновидности дательных самостоятельных в древнерусском языке", Ученые записки Смоленского государственного педагогического института им. Карла Маркса, вып. 9, 1958, стр. 68-85.

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

влиянием других синтаксических конструкций и расширять свои функциональные значения, называет данный оборот живой конструкцией древнерусского языка, но впоследствии правильно замечает, что вопрос о генезисе древнерусского дательного самостоятельного и, следовательно, его отношении к дательному самостоятельному старославянского языка, нуждается еще в серьезном и тщательном исследовании.

Подводя итоги всему сказанному, можно заключить, что до сих пор не существует удовлетворительного объяснения происхождения дательного самостоятельного.

Нет сомнения в том, что дательный самостоятельный не является простым перенесением на славянскую почву греческого родительного самостоятельного. Этот факт, однако, не исключает возможность определенной степени влияния греческого языка и его оборота родительный самостоятельный на образование исследуемого оборота в старославянском языке. На основании данного предположения разные ученые стремились определить степень воздействия этого греческого влияния и в какой мере образованию дательного самостоятельного способствовали свойства живой основы старославянского языка.

С другой стороны, выдвигались теории вполне независимого от греческого языка, самобытного происхождения оборота в общеславянском или уже отдельных славянских языках /имеются в виду восточнославянские и болгарский/. При этом решается

/ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ/

и вопрос, какую роль в образовании старославянского дательного самостоятельного сыграли балтийские языки.

Следовательно, нерешенной остается и проблема происхождения дательного самостоятельного в древнерусской литературе.оборот здесь считается только книжным средством, перенесенным из старославянского языка /несмотря на мнение о происхождении дательного самостоятельного в этом языке/, или исконным явлением, употребительным и в живом русском языке. Все ученые, однако, согласны в том, что дательный самостоятельный в древнерусском литературном языке получил самобытное развитие. Исследовать это развитие, на основе случаев употребления дательного самостоятельного в Галицко-Волинской летописи, и является целью следующих глав данной работы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗНАЧЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

В этой главе займемся первым аспектом анализа употребления оборота дательный самостоятельный в Галицко-Волынской летописи. Предлагаем исследовать данный оборот с точки зрения его смысловых значений и синтаксических функций, обращая далее внимание на частоту его употребления и его соотношение с другими синтаксическими средствами выражения соответствующих значений с целью определить место дательного самостоятельного в синтаксическом строе летописи. Сравнивая результаты нашего анализа с данными об употреблении оборота в старославянских памятниках, покажем особенности использования дательного самостоятельного в древнерусском языке.

Припомним, что в формальном отношении дательный самостоятельный является сочетанием имени в дательном падеже и согласованного с ним причастия, выполняющего функцию близкую к функции глагольного сказуемого. Данный оборот, как правило, присоединяется к личному глагольному предложению, создавая вместе с ним синтаксическое целое, которое признается простым осложненным предложением. По словам Р. Мразека, "дательные абсолютные конструкции в свое время успешно выполняли роль комплексных номинальных конденсаторов, т.е. средств сжа-

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

той передачи более сложной мысли в рамках одного предложения".¹

В старославянском языке дательный самостоятельный по своим смысловым функциям приближается к придаточному предложению с различными оттенками значения. Согласно исследованиям Яна Станислава, в старославянских памятниках данным оборотом заменялись придаточные предложения временные, причинные, уступительные, условные и следственные.² Все эти функции дательного самостоятельного отмечаются И. Белоруссовым и в литературных памятниках древнерусских; кроме того, этот исследователь приводит также примеры на употребление оборота на месте придаточных предложений дополнительных и изъяснительных.³ В научной литературе далее указывались случаи выражения оборотом значения целевого.⁴ Однако, как первым отметил И. Белоруссов, в древнерусском языке дательный самостоятельный выступает и в роли независимого предложения.⁵ Число таких случаев, небольшое в первых древнерусских памятниках, значительно увеличивается

¹ Р. Мразек, "Дательный падеж в старославянском языке", Исследования по синтаксису старославянского языка, Иосиф Курц, редактор, Прага, 1963, стр. 260.

² Jan Stanislav, "Datív absolutný v starej cirkevnej slovančine", Byzantinoslavica, 5, 1933-34, стр. 1-112.

³ И. Белоруссов, "Дательный самостоятельный падежъ въ памятникахъ церковно-славянской и древне-русской письменности", РФВ, т. 41, 1899, стр. 87, 126-127.

⁴ В.И. Борковский, редактор, Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков, Члены предложения, Москва, 1968, стр. 279

⁵ Указ. соч., стр. 88-97, 99-110, 127-133.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

на более позднем этапе развития языка, составляя в произведениях XVI–XVII вв. уже половину всех употребляемых оборотов.

В Галицко–Волынской летописи дательный самостоятельный встречается 743 раза. В 376 случаях оборот употребляется в функции независимого предложения, в остальных 367 случаях выступает в качестве придаточного предложения, чаще всего времени, реже причины. Находим и обороты со значениями придаточных предложений дополнительных, определительных, следственных, целевых и уступительных.

Прежде чем приступить к разбору случаев дательного самостоятельного с отмеченными значениями, следует отметить, что этот оборот, имея способность передавать действие придаточное или параллельное действию глагольного сказуемого, сам по себе данных значений не выражает. То или другое определенное значение вытекает лишь из контекста, т.е. сочетания конкретных содержаний обеих частей синтаксического целого, образованного дательным самостоятельным и предложением с личным глаголом в сказуемом, причем часто значение данного оборота надо искать в еще более широких контекстуальных рамках. Таким образом, семантический анализ дательного самостоятельного во многих случаях не ведет к однозначным результатам, так что интерпретация значения отдельных оборотов может отражать субъективное понимание исследователя. Так например,

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

В.И. Борковский⁶ и Е.Ф. Карский⁷ истолковывают дательный самостоятельный "надолзѣ борющемася има нача изнемагати Мьстиславъ" в смысле причины, в то время как И. Белоруссов относит его ко значению времени.⁸ Подобно этому Я.А. Спринчак считает дательный самостоятельный в примере "бысть пожарь велик Киевѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему" выражением следствия⁹; а И. Белоруссов — изъяснения.¹⁰ Вызывают колебания и такие случаи, в которых дательный самостоятельный можно понимать в значении независимого предложения или считать его стоящим на месте придаточного предложения, обыкновенно времени.

Однако, несмотря на число оборотов, допускающих несколько разных интерпретаций и отнесенных нами к тому или другому значению, наш анализ дает объективную картину употребления дательного самостоятельного в исследуемой летописи.

Займемся сначала оборотами, использованными на месте придаточного предложения, т.е. в значении, которое было для

⁶ В.И. Борковский, П.С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Москва, 1963, стр. 447.

⁷ Е.Ф. Карский, "Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи", Известия по русскому синтаксису и словесности, т. 2, кн. I, 1929, стр. 69.

⁸ Указ. соч., стр. 71.

⁹ Я.А. Спринчак, Очерк русского исторического синтаксиса (Простое предложение), 1960, стр. 222.

¹⁰ Там же, стр. 87, 126-127.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

славянского дательного самостоятельного первоначальным, как об этом свидетельствуют старославянские памятники, в которых употребление оборота ограничивалось этой функцией.

Среди случаев употребления дательного самостоятельного в функции придаточного предложения широко преобладают обороты с временным значением — в летописи нами отмечено 285 примеров.

В большинстве этих случаев /приблизительно в двух третьих/ в состав дательного самостоятельного входит причастие прошедшего времени и, следовательно, действие, выраженное оборотом, предшествует во времени действию главного глагольного предложения. Например:

и бывшу емоу шоумьски на мосцѣ мть быс.
Зернькомъ и Чюхамою. /стр. 726/

и потомъ королеви обратившюса. мнозѣ
избити быша /стр. 729/

съразившимиса полкомъ на мѣсто. Даниль же
выѣха на передь /стр. 743/

Даниль же и Василко. придоста ко Кондратови.
и сгадавшимъ имъ идоша. къ Калешю. /стр. 754/

семоу же прилоучившоуса. изииде Даниль
со вои со Хольма /стр. 777/

рати же пришедши к городуу. познаша же
Роускам рать. /стр. 910/

В остальной трети случаев находим причастие настоящего времени, которое обозначает действие одновременное

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

с действием глагольного сказуемого. Например:

обгающим же Оугромъ и Лахомъ. избено быс ихъ множество /стр. 737/

сѣдашоу же Ярославу въ Лоучьскѣ еха Даниль въ Жидичинѣ кланаться /стр. 750/

анемъ же идущимъ по полю Пиньскомуу. изидоста на нѣ из града /стр. 797/

издашоу же емоу по полю. и ловы дѣюшоу. и видѣ мѣсто красно /стр. 842/

Троиденеви же еще князюшоу. в Литовьской землѣ. живаще со Львомъ во величѣ любви. /стр. 871/.

Подобно придаточному предложению времени, дательный самостоятельный в этой функции обыкновенно находится в позиции по отношению к главному предложению. Приведем три из немногочисленных примеров постпозиции:

гна же по нихъ. Василко изъ Володимѣра. оугони е. и бывшоу емоу третии днь. изъ Володимераа. в Дорогычинѣ. /стр. 799/

и отдать емоу мтymi боары. еже Бѣ вдасть в роуцѣ ег. шдолѣвшоу емоу с братом Ярославла /стр. 809/

Данило же прии. от Бѣ вѣнѣць. городѣ Дорогычинѣ. идущоу ему на войноу со. снмъ Лвом. и со Сомовитомъ княземъ Ладьскимъ /стр. 827/.

Дательный самостоятельный, выражающий временные отношения, может в то же время служить главным предложением, как в следующих примерах, где оборот распространяется придаточным предложением дополнительным:

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

пискоупоу же Артѣмью. и дворьскомоу Григорью.
возбраняюшоу емоу. оузрѣвшима же има. ико не
можета оудержати града. ико малоцѣна блюдащася.
ѡ преданьи града изиидоста слезнама ѡчима
и ѡслабленомъ лицемъ. /стр. 777/

Батью же вземшоу град Къевъ. и слышавшоу емоу
ѡ Данилѣ. ико Оугрѣхъ. естъ. пойде сам
Володимероу /стр. 786/

видившимъ же имъ ико Левъ ѡдинъ бѣхъсѧ с ними.
навратишасѧ малии на помощь емоу /стр. 827/.

Однако, дательный самостоятельный, распространенный
придаточным предложением, чаще соответствует независимому
предложению.

Значение всех приведенных примеров определяется исклю-
чительно на основе контекста. Однако, как показывают исследо-
вания И. Белоруссова^{II} и Яна Станислава^{I2}, в состав дательного
самостоятельного мог под влиянием союзных придаточных пред-
ложений входить союз, позволяющий осознать смысловую связь
между оборотом и глагольным предложением более ясно. В иссле-
дуемой летописи находим единственный пример дательного само-
стоятельного времени с союзом:

и бивьшимсѧ Оугромъ. ѡли и слнцю
зашедшоу /стр. 764/.

В нескольких случаях пониманию оборота во временном значении
способствует тоже соотносительное слово или выражение главного

II Указ. соч., стр. 86-87, 124-127.

I2 Указ. соч., стр. 22-24.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

предложения:

и бывшоу же веселью не малоу в Володимерѣ.
и приде вѣсть тогда. Данилови князю и
к Василкови. уже Боуронда идет. вканныи
проклатьи /стр. 848/

быс идоущим полком мимо Сохачевъ. город
в се же время выѣхалъ башеть князь
Болеславъ. вѣнь и Сохачева /стр. 887/.

Почти полное отсутствие дательных самостоятельных с союзом при довольно большом количестве оборотов со значением времени не удивительно, если принять во внимание типы придаточных предложений времени, употребляемых в летописи. Эти предложения в большинстве случаев бессоюзные или присоединяются к главному предложению с помощью союза и, временные же союзы встречаются редко, причем почти исключительно в форме донъдеже /с вариантами донеле и донележе/. Особенно редкое употребление в исследуемой летописи временных союзов в придаточных предложениях таким образом объясняет их отсутствие в составе дательных самостоятельных. Даже нами отмеченный единственный пример оборота с временным союзом не убедителен, так как выражение или и можно понимать как сочетание не союзов, а усилительных частиц и, следовательно, всему предложению придавать смысл: "угры бо-ролись вплоть до захода солнца". Значит, дательный самостоятельный соответствовал бы здесь, скорее чем придаточному предложению, простому обстоятельству времени. Таких дательных

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

самостоятельных с ослабленным фразовым значением находим в летописи целый ряд. Они обыкновенно выражают, подобно приведенному обороту, начало или истечение определенного отрезка времени. Так можно считать, что дательный самостоятельный в примере: "малоу же времени минуувшу. и приведоша кормиличича" /стр. 718/ соответствует обстоятельству времени в составе следующего предложения: "по малѣ времени. итъ быс старѣши ихъ Творанъ. Данилом" /стр. 800/.

Как отмечалось выше, значение дательного самостоятельного, вытекающее только из контекста, является часто довольно неопределенным. Это касается именно оборотов, которые кроме определения времени действия главного предложения заключают в себе и возможность выражения других оттенков значения. Таким образом, значению времени может сопутствовать и значение причины и, следовательно, трудно решить, которое из них автор имел в виду, пользуясь дательным самостоятельным. Например:

Ростиславоу же познавшоу. наврати конь
свои на бѣгъ /стр. 804/.

Приведенный оборот допускает интерпретацию в смысле: "когда Ростислав понял /что проиграл битву/, повернул лошадь и бежал" или в смысле придаточного предложения причины: "так как Ростислав понял...". Ввиду того, что данные значения не исключают друг друга, можно полагать, что автор и употребил

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

оборот для выражения обоих значений безразлично. Приведем еще два примера:

сим же нѣ воспѣвошимъ ничто же
взвратишася /стр. 753/

Данилови же видашоу и Василкови
гордость его. болшоую враждоу на нь
воздвигноуста /стр. 790/.

В других случаях дательный самостоятельный времени показывает, как протекало действие главного предложения, т.е. он приближается к придаточному предложению ^{образа действия} ~~ендееба~~, например:

потом же Соудиславоу льстащоу подо
Мьстиславомъ. реч емоу /стр. 750/

а Бѣла изнемогаше. и поиде шт града.
оставившу же емоу люди за собою /стр. 761/.

Исследуемая летопись кроме того отличается целым рядом дательных самостоятельных, которые можно считать как соответствующими придаточному предложению времени, так и выполняющими функцию независимого предложения с оттенком временного значения. Другими словами, трудно решить, насколько действие, выраженное дательным самостоятельным, является второстепенным, определяющим по отношению к действию глагольного предложения и в какой степени оно параллельно ему. Приведем примеры нескольких таких оборотов, отнесенных нами к значению придаточного предложения времени:

шномоу же много смѣавъшоуса и много
вѣствавшоу с ними. и поа шт нихъ. в.
можа. и приѣха Кондратови /стр. 757/

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

млстью Бжею побѣгшим Литвѣ и избити быша. и плѣнъ всь штиша /стр. 798/,

Болеславоу же пришедшоу с братью своею. и въѣха въ мѣсто. а в городъ не лѣзъ быс въѣхати ратным. зане борахоу крѣпко из него пороки и самострѣлы /стр. 934/.

Заметим, что союз и, служащий в этих примерах и в множестве других случаев средством присоединения оборота к предложению с глагольным сказуемым, не является несомненным показателем соединительной сочинительной связи.

В отношении частоты употребления на втором месте среди дательных самостоятельных со значением придаточного предложения стоит в летописи оборот, выражающий причину.

В тексте отмечено 57 таких случаев. Например:

потом же Александръ живаше въ Бѣлзѣ. а Инъгварь въ Володимерѣ. бо Арром же не любашимъ. Инъгвара. Александръ же свѣтом Лестковым. приа Володимеръ /стр. 721/

не вѣдающим же Роуси льсти ихъ. исходахоу противоу имъ со крсты /стр. 745/

исправлению же бывъшю школо вежи его. самому же Александроу не смѣвшю ѣхати. посла Ина своего. /стр. 746/

Литвѣ же немшем вѣры Михаилови. изиидоша и становъ своих /стр. 798/

падшоу снегоу и сереноу. не могоша ити и воротишаса. на Ноурѣ /стр. 808/.

В редких случаях дательный самостоятельный следует после глагольного предложения:

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

и быс радость велика во град Пиньскѣ
и побѣдѣ. Данила и Василка всь бо плѣнъ
штмста. Боу помогающимъ имъ. /стр. 798/

и не быс кто помилоуа ихъ. гнѣвою бо
Бжию скончавшюса на нихъ /стр. 854/.

Союз бо здесь указывает на причинное соотношение частей предложения. Находим его еще в двух оборотах:

Мьстиславу бо рекшю. твою бѣ рѣчь иню.
ико Даниль второе всаживаетъ. Лажы на ма.
познавшимъ же всѣмъ княземъ Александровоу
клеветоу. а Аневоу лжю. /стр. 746/

Галичаномъ бо хатащимъ Данила. шттоудоу
же послаша. въ рѣчих /стр. 750/.

В двух случаях дательный самостоятельный, выражающий причину, распространяется придаточным предложением дополнительным:

Льстькови же творащи ^{из} Мьстиславлимъ
свѣтомъ. Даниль приадесть Берестии.
Льстько же посла ко королеви. /стр. 733/

шт горениа силнаго пламени. людемъ же
видашимъ. ико шт Татаръ зажженъ бѣ град.
и вбѣжаша в мѣста лѣсна и тѣмъ не могоша
сбиратиса. /стр. 841/.

Подобно-дательным самостоятельным, соответствующим обстоятельству времени, в языке летописи встречаются обороты, чередующиеся с простым обстоятельством причины. В субъекте таких дательных самостоятельных всегда выступает имя

из В Хлебниковском и Погодинском списках летописи читаем творящу яко.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

Бог. Например:

Бѡу же изволившю. Даниль созда градъ.
именемъ Холмъ. создание же его. иногда
скажемъ. Бѣию же волею избранъ быс.
и поставленъ быс. Иванъ пискоупъ.
княземъ Данилом /стр. 740/.

Употребление дательного самостоятельного вместо других видов придаточных предложений встречается в летописи гораздо реже.

В 10 случаях дательный самостоятельный приближается по своему значению к придаточному предложению определительному.

В двух случаях оборот вводится союзом:

и созда градъ. на цркви. прѣстое влѣща
наше Бѣа. иже не стѣрпѣвшю. шквернення
храма своего. и вѣсть ю Мѣстиславоу /стр. 737/

ты бо створивъ. мира сего ты соблюдаешь.
ѡжидаа дша иже посла да доброу жизнь
жившим почтеша ко Бѣ. а еже не покорившоуса
твоимъ заповѣдем. предаси соудоу. /стр. 918/.

На данное значение может указывать местоимение в составе дательного самостоятельного, заменяющее поясняемый член главного предложения:

и приде ко град Козельскоу. боудоущоу в немъ
князю млад. именемъ Василью. /стр. 780/

и видѣ мѣсто красно. и лѣсно на горѣ.
шбъходащоу шкроугъ его полю /стр. 842/.

Несколько другой тип смыслового соотношения между

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

оборотом и глагольным предложением выделяется в следующем примере:

Некентии бо кльнаше тѣхъ. хоудашимъ
вѣроу Грѣцкоу. правовѣрнѹ /стр. 827/.

Раскрывая конкретное содержание дополнения, выраженного местоимением тѣхъ, оборот здесь по своей функции приближается к предложению объектному.

Только из контекста вытекает определительное значение остальных оборотов:

Бѹ же послѣвшоу приде вѣсть Данилоу.
во Хольмѣ боудощю емоу. ико... /стр. 777/

Михаила княза Черниговскаго не поклонившоуса
коустоу. со своими бояриномъ Федоромъ. ножем
заклана быста. /стр. 808/

поиде Данило на Ктвазѣ с братомъ и сѣмъ
Лвомъ. и с Шеварном. младоу соущоу емоу /стр. 831/

потом же Болеславъ. оусторобивса посла
посоль свои. ко Шварнови. тогда же Шварнови
соущю в Новѣгородѣ. тако река. /стр. 864/

Оу Юрья княза оу Лвовича. оумре сѣмъ именемъ
Михаило. младоу соущоу емоу. и плакашаса по
немъ. вси людье /стр. 895/.

В функции придаточного дополнительного предложения выступает в летописи 7 дательных самостоятельных. Три из этих оборотов относятся к глаголу видѣти в форме причастия. Три дательных самостоятельных в дополнительном значении вводятся союзом ико:

Тимофею же кленшюса ѿ сим. ико не свѣдоущоу
Мѣстиславоу ничто же ѿ семь. /стр. 747/

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

послоушьство створи Ладьскою землю. сирѣчь
во память дѣтемъ своимъ. яко ѿт Бѣ мужьство
ему показавшоу. /стр. 836/

видивъ же се кнѣзь Данило яко Боу поспѣвающеу
мѣстоу томоу нача призывати /стр. 843/.

В первом примере выступает в роли главного предложения тоже дательный самостоятельный.

В одном примере встречаются рядом как глагольное дополнителное предложение, так и дательный самостоятельный в том же значении:

Даниль видивъ яко крѣпцѣиши брань належить.
в ратных. стрѣльцѣмъ ихъ стрѣляющимъ крѣпцѣ
обрати конь свои на бѣгъ. оустрѣмлением ради
противныхъ /стр. 744/.

Приведем остальные примеры:

потом же видивъ брата добрѣ боюшаса.
и соулиции. его кровавѣ соущи. и ѿскѣпцию.
исбченоу ѿт даренымъ мечеваго. /стр. 768/.

Далее:

Коматови же приѣхавшоу ѿт Мтвазь.
ѿбѣщевающимса имъ в работѣ быти Дажом
же исполнившимса зависти и лъсти.
наченшимъ примти поганымъ /стр. 828/.

Второй оборот в этой конструкции, состоящей из одних дательных

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

самостоятельных, имеет значение дополнительное, так как в нем подразумевается содержание речи приехавшего от Ятвяг Комата.

Три случая употребления дательного самостоятельного служат средством выражения следственной связи, подкрепляющейся в двух случаях с помощью союза:

и́нѣм же познавшимъ и. и хотѣвшимъ мечи
поѣѣти конь его. млствомоу же Бѣу. безъ
изви изнесъшоу и. из ратных. ижеже ~~и~~
конца шстроты мечевыи шерстьи прѣтѣ
бывши на стегнѣ коня его. /стр. 769/

толикъ бо бѣ гладь. иже и койнѣмъ¹⁴
хотѣвшимъ исти оуже /стр. 837/.

Значение дательного самостоятельного во втором примере усиливается наличием в главном предложении соотносительного слова толикъ. Заметим, что в данном обороте, помимо основного значения — следствия, чувствуется и оттенок значения степени качества. Синтаксические средства выражения значения отсутствуют в остальном случае:

бѣ бо городъ шбишла вода. и сильна
лозина. и вербѣ. и не свѣдоушимса
самѣмъ. идеже кто биаше /стр. 755/.

В трех случаях дательный самостоятельный является к тому же выражением цели:

Михаилови же стоишоу на Подгораи
хотѣшю снѣтиса с Кондратомъ. и шжидѣющю
Половцѣ со Изаславомъ /стр. 775/

¹⁴ В Хлебниковском и Погодинском списках летописи читаем конѣ им.

ЗНАЧЕНИЯ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

40

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

Тотаром же бьющимса. ш град приати хотишимъ град. разбившимъ граду стѣноу. /стр. 781/

шттоуда же приде к Батыеви на Волгоу.
хоташоу са емоу поклонити /стр. 807/.

Причастие от глагола хотѣти во всех приведенных примерах здесь можно понимать и в причинном значении — цель или мотив действия главного предложения /или дательного самостоятельного в этой функции/ передаются инфинитивом.

Наконец приведем два примера дательного самостоятельного, которые стоят на месте уступительного предложения:

Данилови соущоу во Оугрѣхъ. король же Андрѣи. и боаре Оугорьстѣи. и вса земля. хоташе дати дщерь свою. за княза Данила. шбѣима дѣтскома. бывшима. зане сна у него не бѣ /стр. 723/

Данилоу же княжашоу в Галичи. тако младоу соущоу. яко и мѣрии своеи не позна /стр. 727/.

Мы рассмотрели дательный самостоятельный в его традиционной функции придаточного предложения с разными оттенками значения. Однако в древнерусском языке, в отличие от старославянского, использование данного оборота не ограничивалось выражением подчинительных связей. Об этом убедительно свидетельствует языковой строй Галицко-Волинской летописи, в котором 376 из 743 употребленных дательных самостоятельных выступают в функции независимого предложения разных видов. Эти дательные самостоятельные могут по своему значению соответствовать части сложносочиненного предложения,

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

выполнять роль главного предложения по отношению к придаточному предложению с глагольным сказуемым и также сами по себе образовать простое независимое предложение. Эти данные однако свидетельствуют также о том, что употребление дательного самостоятельного в функции независимого предложения в такой определенно широкой мере возможно было на более раннем этапе развития языка /конец XIII — начало XIV вв./, чем можно судить по другим памятникам, на основе которых распространение оборотов в данном значении определяется XVI—XVII веками.¹⁵

Приступим к более подробному описанию дательного самостоятельного в функции независимого предложения, начиная с оборотов, стоящих в сочинительной связи с личным глагольным предложением. Находим их в начале, середине или конце сложного предложения, части которого выражают обыкновенно несколько друг за другом следующих, реже одновременных действий. Например:

Дѣмноу же приѣхавшоу в великую
соубогу. наутрѣ же па великъ днѣ.
приехаста Даниль и Василко. ко
Черторнискоу. в понедельник на ночь.
вбѣдоста град /стр. 752/

вышедшоу же Лвови изъ Оугорь. с бомры
Галичкыми и приѣха во Бодавоу. ко шцю
сѣ. и радъ быс емоу шць. /стр. 789/

¹⁵ См. статью Л. В. Граве, "Об одном стилистическом приеме в русском литературном языке XVI—XVII вв.", Ученые записки Смоленского педагогического института, вып. 24, стр. 204—216.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

Данилоу же и Василкоу пославшима Выкынта.
во Итвазе. и во Жемоитѣ. ко Нѣмцемъ в. Ригоу.
и Викынтъ же оубѣди и. серебромъ. и дарми
многими. Итвазѣ и поль Жеймоити /стр. 815/

Въ лѣт. 574. Пришедшоу шканьному
и незаконьному Ногаеви. и Телебоузѣ
с нимъ на Оугры в силѣ тажыцѣ во
бецисленомъ множествѣ. вѣлѣша же
с собою поити. Роускимъ княземъ. Львови
Мьстиславоу. Володимѣроу. /стр. 888/

и пришедшоу емоу на Галичь. и срѣтоша и боаре
Галичкыи. и Володимерьстии. оу Микоулина
на рѣцѣ Серетѣ. и бившимаса има всѣ днь
в рѣкоу Серетъ. и мнози извены быс и не
стерпѣвше. и възвратишаса в Галичь /стр. 717/

Володиславоу же ѣхавшоу. во сторожѣ.
ит Данила ис Кьева. и стрѣте рать во
Бѣлобережыи. и бившимса имъ в рѣкоу.
Солоуч. и гониша до рѣкы Деревное.
из лѣса Чертова. /стр. 766/

Василко же приведе первый саигать.
ко братоу си всим же воии его избѣени
быша. самому же. Рюшковичъу оу малѣ
оутекшю. /стр. 798/

Воеваша Итвизѣ. вколо Ухоже и Боусовна.
всю страну и тоу поплѣниша. и еще бо
Холму. не поставленоу бывшоу Данилом. /стр. 799/.

Дательный самостоятельный в летописи стоит в сочинительной связи не только с глагольным предложением; а также друг с другом. Например:

Василкови же ободену бывшоу. а самому
Данилоу бодену бывшоу в перси младѣства
ради и боуести. не чюше ранѣ бывшихъ
на телеси его. /стр. 744/

Татаром же бѣгающимъ. Данилови же избивающимъ
ихъ своимъ полкомъ. и Улгови Коурьскомоу
крѣпко бившимса. /стр. 744/.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

В выше приведенных примерах дательный самостоятельный находится в соединительной связи; этим оборотом однако заменялись и предложения в связи противительной. Например:

Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью. и не возмогоста ити в поле смрада рад и множества избьеных. /стр. 788/

бьющоу же Андрѣю и Икову. сѣкоущимъса лютѣ. Всеволод не поможе имъ. и навороти конь свои на бѣгъ. /стр. 797/

Андрѣви же вставшоу с малою дружиною. возъѣзда крѣпци борашеса с ними. /стр. 803/

Противительная связь в нескольких случаях подтверждается также наличием в составе оборота или противопоставляемого ему глагольного предложения союзов но, а, шдинако:

Даниль же затвориса в Галичѣ. а Шлександроу не смѣвѣшю /стр. 733/

Лажы же ноудаше ѣхати ко градуу. шдинако же им не хоташимъ /стр. 823/

и еще же емоу не вельми болноу. но ходашь и ездашеть. на конѣ /стр. 914/

В летописи находим тоже конструкции, образованные дательными самостоятельными в противительной связи. Например:

Данилови же возвратившюса и единому едоущю межи ими шнем же не смѣющимъ наѣхати на нь. донележе възеха к немуу Глѣбъ Соудиловичъ. и Гаврило Иворович. и Перенѣжко. /стр. 734/

шному же не помыслившю. ш немъ зла. но млсть емоу показавшю. /стр. 738/

Кондратоу же любашю Роускыи бои. и поноужающю Лажы свое. шнѣмъ же шдинако не хоташимъ /стр. 755/

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

стрѣльцемъ же стрѣляющимъ. оружникомъ же не бывшимъ с ними. /стр. 833/.

Другую многочисленную группу дательных самостоятельных образуют обороты в функции прямо противоположной их первоначальному значению. т.е. выступающие в роли главного предложения по отношению к глагольному придаточному предложению. Присоединяясь к данному обороту при помощи подчинительных союзов, эти предложения обладают самыми различными значениями /времени, причины, дополнения, определения, цели, места, следствия/. Приведем несколько примеров:

Данилови же гонашоу по Половцехъ. донележе конь его. застрѣленъ быс гнедыи /стр. 773/

Володимероу же кнзю болноу сущоу. зане быс рана. послана. на нь шт ба неисцѣлимая /стр. 897/

пришедши же вѣсти во станы яко пришли соуть видѣть владіи Роускихъ /стр. 742/

Данилови же молашюса. Бѣу сѣмоу архиерѣю Николѣ. иже каза чюдо /стр. 775/

шномоу же велѣшюу своимъ шхабитиса. да не извени боудоуть вои его шт гражань /стр. 801/

Кондратови же ставшоу. где нынѣ град Холмъ. стоить. пославшю емоу ко Червнѣноу воевать. /стр. 798/

сицю же пламени бывшоу. якоже со вси земли зарѣ видити /стр. 841/.

Оборот может выступать в роли главного предложения тоже по отношению к другому дательному самостоятельному и нередко встречаем конструкции, состоящие только из дательных

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

самостоятельных, как например:

Матею же бывшу королеви не могшю вѣины
оучинити за безаконие ихъ /стр. 729/

Коснатиноу повѣдавшюу. шномуу же
шбратившюса. на рѣцѣ Днѣстрѣ. /стр. 763/

Василькови же крѣпко борюшюу. не предати
града шномуу же оужасти во сердце имоушюу.
самомоу же чѣлоу вышедшюу. /стр. 765/

бывшюу же емоу. в Лоуцки. Мьстиславоу же
не соушюу тоу. но близѣ города. нѣкоемь
мѣстѣ. именемъ в Гаі. /стр. 908/.

Особенно частое явление в языке летописи встречаются также дательные самостоятельные в функции независимого предложения, указывающие на то, кому принадлежит прямая речь, например:

Мьстиславоу же рекшюу пожалуи брата.
Шлександра /стр. 739/

шнѣм же кликнуувшимъ. вѣрни есмы Ббу
и тобѣ. гсноу нашему. /стр. 763/

Батыеви же стоишюу оу град. борюшюуса
крѣпко ш градѣ. молвашимъ имъ льстѣю.
гражаном. гдѣ соуть князи Рязаньстии /стр. 779/

Немцем же штвѣщавшимъ Данилови. ико тебе
дѣла миръ створимъ. со Выкынтюмъ. зане
братюу нашу многоу погоуби /стр. 816/.

Кроме сочинительных и подчинительных предложений, состоящих из одних дательных самостоятельных, встречаются и примеры, в которых оборот, выражая законченную мысль, образует простое независимое предложение, например:

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

вставъшоуса Володимероу с Даниломъ.
и Котаневи. шдиномуу /стр. 770/.

Дательный самостоятельный здесь следует после описания измены Изяслава, обязавшегося быть союзником Данила в бою против Судислава. В следующем примере оборот суммирует описание соотношений нескольких князей:

бывшю же межю ими швогда мироу.
швогда рати /стр. 777/.

Или:

Князю же Володимироу Васильковиѣ. великомѣ.
лежащюу в болести. д. лѣт /стр. 914/.

Приведенный дательный самостоятельный выступает как заглавие части летописи, описывающей болезнь и смерть князя Владимира. На такое употребление указывает и тот факт, что оборот вместе со следующим предложением /болезнь его. си. скажем/ начертан более крупными буквами, чем остальной текст.

К дательным самостоятельным, заменяющим простое независимое предложение можно отнести тоже следующие примеры, в которых оборот, следуя после просьбы, выражает ее исполнение:

Мъстиславъ же великою похвалоу створи
Данилови. и дары емоу дасть великыи и
конь свои борзныи сивыи. и реч емоу поиди
кнаже в Володимеръ. а азъ поидоу в Половци.
мъстивѣ сорома своего Данилови же приехавшю
в Володимеръ. /стр. 735/

Володимеръ же посла Данилови. река идетъ
на ми Михайль. а помози ми брате Данилови
же пришедшоу. створити миръ межю има /стр. 766/.

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

В нескольких случаях независимая позиция оборота была вызвана позднейшими изменениями в тексте летописи, включенном в Ипатьевский летописный свод. Составитель свода вводит в текст Галицко-Волынской летописи даты в хронологической последовательности, вставляя их в указанных случаях в середину предложения, что приводит к изменению смысла оборотов, имеющих в не хронологизированных Хлебниковском и Погодинском списках значение времени. Например:

По сем же минувшему лѣтоу.:
Въ лѣт. 5. 7. 30. Бысть тишина.
по все землѣ /стр. 848/.

Таким образом, на основе нашего наблюдения над значениями и синтаксическими функциями дательного самостоятельного с Галицко-Волынской летописи можно сделать следующие выводы:

Язык летописи отличается очень частым и разнообразным употреблением оборота. В соответствии со своей традиционной функцией придаточного предложения, дательный самостоятельный здесь выражает значение времени, причины и, хотя в более ограниченном числе случаев, также значение дополнительное, определительное, следственное, целевое и уступительное. Ввиду небольшой выработанности подчинительных конструкций, оборот служит в языковом строе памятника одним из важнейших средств выражения гипотактических отношений.

Отступление от правил старославянского языка представ-

ДАТЕЛЬНОГО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО

ляют дательные самостоятельные, заменяющие независимое предложение — сочинительное или главное по отношению к предложению с глагольным сказуемым, а также образующие сами по себе простое самостоятельное предложение.

Исследуемая летопись однако, на основе преобладания оборотов с этими новыми функциональными значениями и благодаря особенной частоте употребления дательного самостоятельного вообще, отличается не только от памятников старославянского языка, но и выделяется из ряда произведений языка древнерусского. В следующей главе будет показано, насколько это явление связано с употреблением дательного самостоятельного в определенных стилистических целях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Наши наблюдения над употреблением дательного самостоятельного в Галицко-Волынской летописи до сих пор показали, что оборот в языковом строе памятника служит широкоупотребительным средством выражения различных синтаксических значений. Есть, однако, основания считать, что частота, с какой дательный самостоятельный встречается в летописи вызвана не только языковыми потребностями, но также и употреблением оборота в качестве стилистического средства. Следовательно, цель этой главы — исследовать употребление дательного самостоятельного в стилистическом плане, в частности изучить стилистические возможности оборота и особенности их использования следовательно манере письма отдельных авторов летописи.

В Галицко-Волынской летописи находим 743 случая дательных самостоятельных, т.е. гораздо больше чем, например, в Повести временных лет по тому же Ипатьевскому списку¹

¹ Л.В. Граве, "Об одном стилистическом средстве в русском литературном языке XVI-XVII вв.", Ученые записки Смоленского гос. пед. института, вып. 24, 1970, стр. 205.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

50

/316 оборотов/, в Суздальской летописи /204 оборота/² или в Московском летописном своде конца XV в. /364 оборота/³. Таким образом исследуемая летопись по числу употребленных дательных самостоятельных значительно выделяется из ряда памятников того же жанра. Этот факт нельзя объяснить языковыми причинами, так как оборот, употреблявшийся на месте недостаточно выработанной системы придаточных предложений, а также на месте предложений независимых, нужен в конце XIII в. не более чем в начале XII в., с другой стороны развитие синтаксического строя не изменилось в XIV-XV вв. до такой степени, чтобы сделать оборот в памятниках того времени столь резко менее употребительным.

Галицко-Волынская летопись далее отличается повышенным количеством случаев, в которых дательный самостоятельный заменяет собой независимое предложение. Л.В. Граве, отмечая расширение в памятниках более позднего времени /XVI-XVII вв./ таких оборотов за счет сокращения числа оборотов, выполняющих функцию предложений придаточных, объясняет это явление использованием дательного самостоятельного в стилистических целях.⁴

² Л.А. Коробчинская, "Дательный самостоятельный в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г.", Доповіді та повідомлення Львівського Держ. Університету, вып. 3, ч. I, 1952, стр. 19.

³ Л.В. Граве, указ. соч., стр. 205.

⁴ Л.В. Граве, там же, стр. 204-207, 215-216.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

51

Эти данные позволяют предполагать, что оборот, кроме выполнения функции выражения определенного грамматического значения, становится в языке данной летописи важным стилистическим средством.

Правда, стилистическим средством следует считать этот оборот в любом случае. Известно, что дательный самостоятельный не получил распространения в живой русской речи, отсутствует в памятниках деловой письменности древнерусского языка и распространился только в книжном древнерусском языке под влиянием старославянского. Оборот является признаком только определенных жанров, отличающихся повествовательным элементом /летописей, житий, повестей, исторических произведений, поучений/ и представлен именно в тех древнерусских памятниках, которые созданы в возвышенном стиле. В связи с многовековой традицией книжно-литературного стиля дательный самостоятельный употребителен еще во многих памятниках ХVI-ХVII вв., когда уже не было необходимости в его употреблении как синтаксического средства. Однако, приведенные данные подсказывают, что использование дательного самостоятельного было обусловлено не только жанром произведения, но и индивидуальной стилистической манерой того или иного автора.

Отличия в употреблении оборота в стиле автора выделяются на основе Галицко-Волынской летописи даже

вне сравнения с другими памятниками. Данная летопись состоит из двух частей. Первая, большая часть — летопись собственно Галицкая, охватывающая события от 1205 до 1260 года, составлена вероятно одним лицом во второй половине XIII в. Вторая часть — летопись Волынская, продолжающая описание событий с 1261 до 1292 года, возникла в конце XIII в. как работа одного или нескольких лиц. Несмотря на то, что обе части памятника по содержанию следуют одна за другой и между временем написания первой и второй /кроме ее последних страниц/ не могло пройти более 20 лет, с точки зрения частоты употребления дательного самостоятельного они резко отличаются.

С первых строк части Галицкой бросается в глаза обилие оборотов, в точности на 133 страницах автор пользуется ими 648 раз и при этом преимущественно в значении независимого предложения. Напротив, на 89 страницах Волынской части летописи находим только 95 оборотов, обыкновенно в функции придаточного предложения времени.

Приступим к описанию отдельных стилистических функций, выполняемых оборотом в Галицко-Волынской летописи.

Одним из стилистических приемов являются дательные самостоятельные, служащие для выражения времени в одинаковых выражениях. Такие обороты по своему строю и значению следует считать одними из более традиционных ввиду того, что

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

53

они встречаются уже в памятниках старославянских⁵, откуда они перешли во многие памятники книжного древнерусского языка.⁶

Так например, автор Галицкой части, говоря об истечении некоторого отрезка времени, употребляет обороты типа:

времени же мину^ву еха Даниль
ко Мъстиславоу в Галич /стр. 732/.

по сем же долгоу времени мину^вувшю
матежь быс. mezi братама и Володимеромъ.
и Романомъ. /стр. 719/

и малоу же времени мину^вушоу присла
Доброславъ. на Григора /стр. 790/.

Таким оборотом обыкновенно начинается первое предложение нового эпизода и при этом дательный самостоятельный определяет не только предложение, к которому он непосредственно присоединяется, а также весь эпизод. Содержание такого оборота можно было бы выразить простым членом предложения — обстоятельством времени, однако можно считать, что автор пользуется именно дательным самостоятельным для большей выразительности.

⁵ Ladislav Nečásek, "Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy v řeckém textu evangelií", Slavia, 26, 1957, стр. 21.

⁶ Е.С. Истрина, "Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи", Известия ОРЯС, том 26 /1921/, 1923, стр. 217. И. Белоруссов, "Дательный самостоятельный падежъ въ памятникахъ церковно-славянской и древне-русской письменности", РФВ, т. 41, 1899, стр. 112-119.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

54

С другой стороны оборот, уже по своей форме выделяет начало нового эпизода из окружающих предложений. Выделение начала нового эпизода и тем введение разряда в повествование особенно важно ввиду того, что летопись, именно ее Галицкая часть, отличается связным хронографическим изложением.

Насколько автор обращает внимание на такое выражение времени и сознательно при этом пользуется дательным самостоятельным видно из следующего примера, в котором после определения времени новой записи с помощью оборота, автор, прекращая свое повествование, останавливается на объяснении способа составления летописи:

Въ лѣт. 85. 9. 3в. В та же лѣта времени
миноувшоу хронографоу же. ноужа ест
писати все. и вса бѣвшам. швогда же
писати в переднам. швогда же востопати
в заднам. чѣтыи моудрыи разоумѣть.
число же лѣтомъ. здѣ не писахомъ в заднам
впишемъ. по Антивохискимъ Соромъ.
алоумѣидамъ. Грыцкыми же численицами.
Римьскыи же висикостомъ. икоже Евъсѣви
и Памѣфильво иннии. хронографи списаша.
от Адама до Хрѣстоса. вса же лѣта спишем.
роцетьше во задньм. /стр. 820/.

Заметим, что даты были вставлены не автором рукописи, а редактором Ипатьевского летописного свода, в котором изучаемый список летописи помещен.

Как в Галицкой, так и в Волынской частях летописи начало нового эпизода или нового направления в его развитии обозначается дательным самостоятельным, выражающим время года. Эти обороты опять отличаются стабилизированностью построения;

итак подлежащее зимѣ обыкновенно сочетается с причастием приспѣвши, вѣснѣ - с бывши, лѣтоу - с наставшоу. Например:

зимѣ же приспѣвши, иде Василко
Галичю поима Ляхы. /стр. 774/

вѣснѣ же бывши. Улександръ оубовоса
злаго своего створениа поиде ко тѣстоу
своемоу Киевъ /стр. 771/.

лѣтоу же наставшоу. собравъшася.
идоста на Галичъ. /стр. 776/.

Образно время выражается в следующем примере:

травѣ не бывши. Даниль же поиде
со братомъ. и со Улександромъ.
Плѣсньскоу. /стр. 770/.

Однообразностью и повторяемостью отличаются также обороты типа:

Оутру же бывшоу створиша тако. /стр. 823/.

вечероу же бывшоу приѣхаша. Злинъци /стр. 810/

восходашоу же слѣци и начаша
ираживати полки. /стр. 872/.

В языке летописи, где определение времени важное и частое явление находятся случаи, где автору пришлось, для большей точности указать время действия с помощью нескольких выражений, как в следующем примере:

По сем же сонмѣ ^вминушоу лѣтоу одному
и во осень оубить быс великий кнѣзь
Литовский Миндовгъ /стр. 850/.

Благодаря употреблению дательного самостоятельного автор избегает однообразия в употреблении языковых средств, а также, можно считать, подчеркивает самые важные обстоятельства.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

56

В Волынской части летописи употребление изучаемых дательных самостоятельных, выражающих время, отличается еще одной чертой. В некоторых случаях автор ставит оборот там, где после отступления в виде длинного описания, рассказа о побочном действии, после авторских слов и т. п. он возвращается к фактам основного повествования. Так например в следующем отрывке, где после записанной молитвы князя Владимира дательный самостоятельный, приводя важное определение времени, обращает внимание на основные обстоятельства:

свѣтающе же паткоу. и тако престависа.
блговѣрныи холюбивныи великии князь.
Володимѣрь. снѣ Василковъ. вноукъ
Романовъ. княживъ по Щи. к . лѣт. /стр. 918/.

В других случаях автор прямо выражает такое намерение своими словами, предшествующими дательному самостоятельному.

Например:

но мы на подлежащее возвратимса.
наставшоу же лѣтоу. и оуслыша Кондрать
князь Сомовитовичъ. братъ Володимѣровъ.
уже даль землю свою всю. и города
присла к Володимѣрю. посоль свои. /стр. 906/.

Однако, для выделения начала нового эпизода или нового развития действия в его рамках служат также дательные самостоятельные другого содержания, выступающие в роли придаточного предложения времени. Более ясно эта стилистическая функция оборота выступает в Волынской части летописи, где дательный самостоятельный уже сравнительно редкое

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

57

явление. Например:

Быс же по сихъ Болеславу князю. Ёще
исполнившоуса своего безоумья.
и не престаетъ злое творя. Володимѣроу
князю. и Юрьѣви /стр. 891/.

Оборот здесь выделяет начало нового эпизода, на протяжении рассказывания которого уже не встречаем другого дательного самостоятельного. Выражение, предшествующее обороту, заменяет более точное указание даты, так как, хотя в основе изложения Волынской части летописи и лежит строго хронологический принцип, она тоже первоначально составлена без датирования.

Описываемая функция оборота выделяется именно в таких случаях, где ему предшествуют авторские слова, обещающие рассказать что-то. Например:

По сем же сонмѣ минувшому лѣтоу шдиномоу
и во осень оубить быс великий кнзъ Литовьский
Миньдовгъ. самодержечь быс во всей земли
Литовской. оубиство же его сиче, екажем.
быс князю емоу в земли Литовьской.
и нача избивати братью свою. и сновцѣ свои. /стр. 858/.

Подобным способом автор вводит раздел в повествование в следующем примере, где дательным самостоятельным также начинается новый рассказ:

Мы же на прежнак возвратимса.
быс идоущоу шканьномуу и незаконьномуу
Ногаеви. и Телебоузѣ с нимъ воевавшима
землю Оугорьскоую. Нога поиде. на Брашевъ.
а Телебоуга поиде. поперекъ Гороу. /стр. 890/.

Типичной чертой стиля автора Галицкой части летописи является детальное описание действия. При этом автор, стремясь

уточнить и иллюстрировать свое повествование, часто прибегает к дательным самостоятельным в функции как придаточного, так и независимого предложения, ставя их не только в начале нового эпизода или нового направления в развитии действия, но также и на протяжении всего повествования. Дательный самостоятельный в данной стилистической функции употребляется тоже в части Волынской, однако намного реже.

Посмотрим сначала на дательные самостоятельные, указывающие в роли придаточного предложения на обстоятельства, сосредоточиваясь на широко преобладающих случаях оборотов в функции придаточного предложения времени.

Галицко-Волынская летопись отличается светской тематикой. В ней мало сообщается о фактах церковной истории и преимущественно говорится о военных столкновениях, мятежах, распрях, бедствиях, даются характеристики князей и их соотношений. Ввиду тематического содержания памятника подавляющее большинство дательных самостоятельных на месте придаточного предложения указывает на обстоятельства и детали, относящиеся к разным этапам военных событий, как например:

В лѣт. 85. 7. 5. Кнѣзю Вошелкови во Литвѣ.
и Шварнови. иде Литва на Лахы воевать. на
на Болеслава княза. /стр. 864/

помолившоу же са емоу. и стѣи прчстѣи Бѣи.
Михаилоу арханглю Бѣию. оустремиса изиити.
со малом ратникъ. /стр. 763-4/.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

59

пришедши же рати извозишас и почаша
израживати полкы. /стр. 885/

потом же поидоша ко Лысцю городоу
и пришедшемъ же имъ к нему
и шбъстоупиша /стр. 855/

идоуцю же Данилоу с Болеславомъ.
ко Шпавѣ пославъ сторожи. Лахы своим.
выѣха же Андрѣи. изо Шпавы с Чехы.
и срѣтшимса имъ и сразишимса.
шдолю Андрѣи. мало бѣ Лаховъ /стр. 822/

Половцемъ стрѣляющимъ и Роуси противоу имъ.
тоу же Марцель. хороугве своее. штбѣже и
и Роусь взать ю и пороугъ великъ бѣс
Марцелови. /стр. 725/

Итваземъ же видившимъ скорое пришествіе
и не стѣрпѣша. и оувратишас на бѣгъ. /стр. 833/

и побѣдившоу же Мьстиславоу
поиде к Галицю. /стр. 738/

Многие из дательных самостоятельных, употребляемых авторами для уточнения обстоятельств, в особенности относящихся к разным этапам военных событий, можно отнести к специфической фразеологии летописей и военных повестей. Такие обороты представляют ^{собой} повторяемые стереотипные выражения, которые кроме дательного самостоятельного находим и в форме глагольного предложения или, в случае совпадения подлежащих обеих частей, в форме деепричастного оборота. Например:

Въ лѣт. . . ѿ . . . 1. Собравшоу же Роурикоу Половци
и Роуси много. и приде на Галичъ. /стр. 717/

В лѣт. . . ѿ . . . Ростиславъ. собра князѣ
Болоховские. и шстранокъ Галичанъ.
приде ко Бакотѣ. /стр. 791/

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

60

Даниль же и Василко собраша Ляхы многы.
идоста Киевоу /стр. 753/;

бывши же сѣчи велицѣ. и одолѣша Лаховѣ
и Роусь. /стр. 730/

наоутрѣа же на каноунъ стои Бѣи.
приде Мѣстиславъ. рано. на гордаго Филю.
и на Оугры с Ляхы и быс брань тажка.
межи ими и шдолѣ Мѣстиславъ. /стр. 737/

шнем же не стѣрпѣвшимъ. побѣгоша. /стр. 798/

шнъ же не стерпѣ. выбѣже из Галича.
до Шекотова. /стр. 793/

Михаиль же не стерпѣвъ штиде шт Києва /стр. 772/

Батшеви же. вземшо Козелескъ.
и поиде в землю Пополовецъкоу. /стр. 781/

штроудоу же поиде король ко Теробовлю.
и взѣ Теробовль. и поиде к Тихомлю
и взѣ Тихомль. /стр. 749/

Таким образом автор, употребляя в лексическом отношении почти идентичные выражения, пользуется разными грамматическими формами, одной из которых является дательный самостоятельный и до некоторой степени избегает стереотипности в выборе языковых средств и достигает большей стилистической выработанности.

Интерес представляет также следующий пример:

Володислав же. иде и пришедѣ к первымъ вратомъ
пожгоша. и приидоша на другамъ врата.
и выѣхаша Чехове. и неколико ихъ оубиша.
а другыи выгнаша Бенешъ же стоише предъ враты
со хороуговью. и школо другыхъ вратъ
пожгоша окрѣстная града пришедѣшимъ же
ко трѣтьимъ вратомъ. каза Данило сосѣдати.
и жечи окрѣстная града /стр. 824/

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

61

Здесь автору пришлось три раза в непосредственном соседстве выразить ту же самую ситуацию, и он в каждом случае пользуется тем же самым выражением, но облакает его в другую грамматическую форму. Этот пример хорошо иллюстрирует выработанность стиля автора Галицкой части летописи; подчеркивая параллельность в развитии действия, он все же избегает однообразия в выборе языковых средств.

Часто, особенно в Волынской части летописи, где они составляют четверть всех употребленных дательных самостоятельных, находим обороты типа:

и совокоупившеса вси. первое придоша
на град Перемышль. и пришеди^{II} же Володиславоу
ко граду и реч имь /стр. 724/

самъ же ѣха. в малѣ штрокъ штроужныхъ
ѣдоушоу же емоу. и прѣха к нему снъ
Левъ. шдинъ /стр. 832/

Мьстислав же поѣха до Берестья.
ѣдоушоу же емоу к городу. и срѣтоша его
горожанѣ со крсты. шт мала и до велика /стр. 931/.

и поежа до Володимера. и приѣхавшоу емоу
в Володимеръ. и съѣхаша к нему боирѣ
его старѣи и молодии. бесчисленое
множество. /стр. 933/.

и тако полѣзоша подъ заборолу. а друзии
полчи страихоу недвижими. стерегоучи.
внезапнаго наѣзда шт Ляховъ. прилѣзшимъ
же имь подъ заборолѣ. Ляховѣ поущахоуть
на на каменье. шакы градѣ силнии. /стр. 885/.

II В Хлебниковском и Погодинском списках находим
пришедшоу.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

62

В этих случаях дательный самостоятельный указывает на то, что действие, названное в предшествующем глагольном предложении, продолжается, или чаще всего уже завершилось ко времени другого действия. Кроме синтаксической роли придаточного предложения выделяется здесь тоже стилистическая цель в употреблении оборота, а именно при сохранении лексического строя варьировать оформление синтаксических единиц.

В отличие от Волынской, в Галицкой части летописи дательный самостоятельный, с помощью которого автор указывает на обстоятельства и вообще уточняет действие, очень частое явление и нередко находим случаи, где обороты чередуются с глагольными предложениями, как например:

шнемъ же идоушимъ. по полю Пиньскомуу.
изиидоста на нѣ из града поганымъ же
шдинако гордѣ имѣющимъ. во срѣцѣ своемъ
погнаша е. шнемъ же не стѣрпѣвшимъ.
побѣгоша. бѣжащимъ же имъ падахоу
с конии /стр. 797-8/.

Ставится вопрос, почему автор Галицкой части летописи столь часто пользуется дательным самостоятельным для определения обстоятельств.

Галицкая часть летописи описывает комплексные, развернутые действия, и ее автор старается точно их описать, привести все обстоятельства, уточнения, детали, побочные действия, составляющие рамки и фон основных событий. При этом он часто прибегает к дательному самостоятельному в его традиционной функции придаточного предложения.оборот здесь

КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

несомненно выступает как важное грамматическое средство, однако также как особенная и, можно сказать, важнейшая черта стиля автора. Оборот позволяет ему в некоторой мере чередовать выразительные средства и избегать однообразия, вызванного стереотипностью лексических и фразеологических средств, характерных для летописного стиля, а также стиля военных повестей; эта черта определяется недостаточным запасом выразительных средств и, конечно, также самим характером повествовательного материала.

Возможно также, что дательный самостоятельный, ввиду нагромождения событий и обстоятельств, способствует более быстрому течению повествования.

Однако, детальное описание событий, отмеченное в Галицкой части летописи, проявляется не только в старательном приведении обстоятельств, часто с помощью дательного самостоятельного, имеющего с точки зрения синтаксического строя функцию придаточного предложения. Автор этой части, стремясь нарисовать детальную, красочную картину действий, часто пользуется также дательным самостоятельным в роли независимого предложения. Опять, во многих случаях обороты находятся в непосредственном соседстве, или даже следуют непосредственно один за другим.

Посмотрим, какую именно стилистическую роль такие дательные самостоятельные выполняют. Например:

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СИНТАКСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

64

свадивьшеса сами. и приѣхаша с великою
гордынею. едоучю Доброславоу во шдиной
сорочыцѣ. гордашоу ни на землю смотрящо.
Галичаном же текоущимъ оу стремени его. /стр. 790/.

Здесь автор сначала приводит в глагольном предложении определенный основной факт и впоследствии пользуется дательным самостоятельным, чтобы уточнить его и приблизить к читателю. Обороты имеют значение независимого предложения, подобно как и в следующем примере:

посла на ны Бѣ архайгла Михаила.
штворити хлаби нбсныя. конем же
потопающимъ. и самѣмъ возбѣгающимъ
на высокая мѣста. шному же шдику
оустремисшиса¹². приати град и землю. /стр. 760/.

В этом случае с помощью дательного самостоятельного выражаются действия, вытекающие из события, указанного в предшествующем глагольном предложении и одновременно составляющие фон, на котором выделяется действие следующего предложения. Или:

штоудоу же придоша мсца априла. и придо
к рѣцѣ Днѣпроу. ко шстровоу Варажькомоу.
и приѣха тоу к нимъ. вса земля Половецкам.
и Черьниговцемъ приѣхавшимъ. и Кианомъ
и Смолнаномъ. инѣмъ странамъ. всанамъ
по соухоу же Днѣпрѣ перешедшимъ. яко же
покрыти водѣ быти. шт множества людии.
а Галичане и Вол(ы)нци. киждо со своими
кназьми. а Коуране и Трoубчане и Поутивлици.

¹² В Хлебниковском и Погодинском списках летописи читаем оустремившюся.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СИНТАКСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

65

и киждо со своими князьми. придоша коньми
а выгонци Галичькыа. придоша по Днѣпроу.
и воиидоша в море. /стр. 741-2/.

Оборот здесь употреблен при перечислении, возможно как средство варьирования выразительных средств.

С помощью дательного самостоятельного автор тоже может дать характеристику определенного лица:

Андрѣви же на двое боудоушоу.
ѡвогда взываюшоуса королевъ есмь.
ѡвогда же Татарьскымъ. держашоу
неправдоу во срѣци. Бѣ передать
в рouchи их. /стр. 829/.

Обилие оборотов встречаем в следующем примере:

Потом же Коуремьсѣ стояшоу оу Лоучка.
створи Бѣ чудо велико. Лоуческѣ бѣ
не оутвержень. и не оуражень. и сбѣгшимса
во нѣ многимъ людемъ. и бѣ бо зимѣ бывши
и водѣ велицѣ. ѡному же пришедшоу к Лоучьскоу.
и не могшоу емоу преити. хоташе мость прѣити.
гражаномъ же ѡтсѣкшимъ мость. ѡн же пороки
постави ѡтгнати хота. Бѣ же чудо створи
и стѣ Иванъ. и стѣ Никола. вѣтроу же такоу
бывшоу. ѡко порокомъ вѣргшоу вѣтроу¹³ же
ѡбращаще камень на нѣ. пакы же мечущемъ. на нѣ
крѣпко. изломиса Бѣиею силою пракъ. ихъ.
и не оуспѣвше ничтоже. вратишаса во станы
свои. рекше в поле. /стр. 841-2/.

В приведенном отрывке автор пользуется дательным самостоятельным /как в функции придаточного, так и независимого предложения/, чтобы перечислить обстоятельства и указать ситуацию,

¹³ В Хлебниковском и Погодинском списках летописи читаем врѣшим вѣтрѣ.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СИНТАКСИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

66

в которой произошло "чудо", т.е. явление, названное в глагольном предложении, и впоследствии раскрыть его содержание.

В ином случае автор прибегает к большому количеству оборотов, чтобы дать детальное описание подготовки к бою:

наоутрѣи же пригнавьшимъ к нимъ.
Проусомъ и Бортомъ. и воемъ же всимъ.
съсѣдшимъ. и вороужьшимъса пѣшьцемъ
исо стана. щитѣ же ихъ мко зара. бѣ.
шоломъ же ихъ мко снѣцю восходашоу.
копиемъ же ихъ. дрѣжачимъ в роуках.
мко трѣсти мнози. стрѣлчемъ же шбаполь
идоушимъ. и держачимъ в роукахъ. рожанци
своѣ и наложившимъ на нѣ стрѣлы свои.
противоу ратных. Данилови же. на конѣ
сѣдашоу и воѣ радашоу. /стр. 813/.

Необыкновенное скопление дательных самостоятельных находим в этом отрывке:

не дошедшимъ же воемъ рѣкы Саноу.
сосѣдшимъ же на поли. вороужитъса.
и бывшоу знамению. сице надѣ полкомъ.
сице пришедшимъ шрломъ. и многимъ
ворономъ. мко шболокоу великоу
играющимъ же птичамъ. шрломъ же
клекъшоушимъ. и плавающимъ криломъ
своими. и воспрѣтающимъ на воздухоуѣ
мкоже иногда и ни коли же не бѣ.
и се, знамение не надобро бис. /стр. 801-2/.

Следуя непосредственно один за другим, дательные самостоятельные, кроме первого, употребленные все в значении независимого предложения, становятся здесь почти единственным выразительным средством. С их помощью автор называет определенное событие, определяет его обстоятельства и, приводя

комплекс явлений, рисует его красочную картину.

Приведенные примеры показывают предпочтение, отдаваемое автором Галицкой части летописи дательному самостоятельному при подробном описании событий, не только в традиционной роли придаточного предложения, но также оборотам, заменяющим независимое предложение. Именно в таких случаях можно предполагать, что оборот играет чисто стилистическую роль. Автор употребляет дательный самостоятельный с целью указать на обстоятельства и вообще представить фон основного действия. Оборот в его стиле становится средством описания, характеристики, при его помощи далее выражается комплекс действий, явлений, составляющих главное событие. Просто автор пользуется дательным самостоятельным, чтобы представить более точную, яркую картину какого-нибудь действия.

В сравнении с дательными самостоятельными, выражающими в подчинительной связи обстоятельства, описываемые независимые обороты отличаются большим различием в стилистическом употреблении, а также большим различием их лексического строя и содержания.

В Волынской части летописи дательные самостоятельные, выполняющие на месте независимого предложения данные стилистические функции встречаются редко, хотя включенная в ее состав повесть о болезни и смерти Владимира Васильковича

КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

отличается от остального ее текста количеством дательных описаний. Приведем один из редких примеров:

потом же придоша к Соудомирю.
и шбъстоупиша и со всѣ сторонѣ.
и шгородиша и. школо своимъ городомъ.
и порокъ поставиша. и порокомъ же
бьющимъ не шслабно. днѣ и ношѣ.
а стрѣламъ не дадоушимъ выникноути
изъ заборолѣ. и бишаса по четырьѣ дни.
в четвертыи же днѣ. сбиша заборолу
с города. /стр. 852/.

Дательные самостоятельные в независимом значении предшествующей группы пополняли и развивали основное действие. С другой стороны, находим обороты, выражающие важное действие или факт /эти случаи мы заметили и в нескольких предшествующих примерах/, которые далее уточняются и определяются с помощью других выразительных средств, обыкновенно в форме придаточного предложения, зависимость которого от оборота и значение подчеркиваются употреблением подчинительного союза. Например:

онемъ же шдоушимъ напередъ коуше. и предидиша
ними к лютой рѣцѣ
и же быша не приѣхалѣ
Лаховѣ и Роусь. /стр. 725/

и послаша ко гражданомъ рекоуше. предаитеся
кназь вашъ ить быс шнѣмо же не имоушимъ
вѣры. донележе извѣстно быс имъ и предашаса.
Звенигородъци. /стр. 726/

Дьминови же мнашоу.
и ко все ратнини соуть.
и возбегаша пред нимъ. /стр. 768/

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

69

Данило же и Василко. гнаста и по нихъ
до Пиньска. во Пиньски бо Михаль. даль бѣ
имъ вѣсть. внѣм же ставшимъ. ѡсѣкшимся в лѣсѣ.
даль бо бѣ имъ и Михайль вѣсть. боуда
в Пиньскѣ. /стр. 798/.

В этом последнем примере автор, вероятно из-за просмотра, даже повторяет два раза придаточное предложение причины, относящееся к дательному самостоятельному.

Или:

не послушавъшима има. Данилови.
и Василкови. зане сестра бѣ ея.
за Даниломъ. /стр. 815/.

Данилови же князю хотящюу. ѡво корола рад.
ѡво славы хота. не бѣ бо в землѣ Роусцѣи
первее. иже бѣ воевалъ землю. Чьшьскоу
ни Стославъ хоробры. ни Володимеръ стѣи. /стр. 821/.

Таким образом, автор пользуется дательным самостоятельным, чтобы выделить и подчеркнуть главное, основное сведение. В Волынской части летописи такое употребление оборота ограничивается единственным случаем:

Володимероу же кнѣзю болноу сѣщюу.
зане быс рана. послана. на нь ѡт Бѣ
неисцѣлима. /стр. 897/.

Еще большее внимание сосредоточивается на дательных самостоятельных, которые стоят отдельно, выражая, подобно простому независимому предложению сами по себе законченную мысль. Однако, в отличие от других оборотов со значением независимого предложения, эти дательные самостоятельные встречаются в обеих частях летописи исключительно редко.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

70

Оставив в стороне случаи, в которых причиной вполне независимой позиции оборота могли быть добавочно поставленные составителем Ипатьевского летописного свода даты, укажем дательные самостоятельные, выступающие несомненно в роли простого предложения:

Въ лѣт. 75. Ѹ. ма. Королевич же и Соудиславъ.
выведе Дыниша. на Данила. Даниль же ѣха
Киевоу. и приведе Половцѣ. и Изаслава
противоу имъ. и со Изаславом водиса.
оу бжницу. и со Володимеромъ. и придоста
противоу Данишоу. Изаславъ же леть створи.
и вѣлѣ воевати. землю Даниловоу. и вѣша
Тихомль. и возвратишася. шставьшоуса
Володимероу с Даниломъ. и Котаневи.
шдиномоу. ш леть зла. есть. икоже шмиръ
пишетъ. до шблична же зла есть кто в нѣи
ходить. конѣць золь приметъ. ш злѣ зла.
зла есть /стр. 770/

и потомъ приде Арославъ. Соуждальский
и вѣа Киевъ подъ Володимеромъ. не мога
его держати. иде пакы Соуждалю. и вѣа
под нимъ. Михайль. а Ростислава сѣна
своего шстави в Галичи. и штяша шт Данила
Перемишль. бывшю же межю ими. швогда
мироу. швогда рати. /стр. 777/.

Как видим, в обоих отрывках автор рассказывает определенные события и в заключение ставит дательный самостоятельный с помощью которого, передавая собственные слова, суммирует все сказанное. По отсутствию дательных самостоятельных в предшествующем тексте можно судить, что автор в этих случаях как бы прибегает к обороту для данной функции.

В следующем примере дательный самостоятельный опять относится к ряду предшествующих событий, однако добавляет

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

71

к ним новый факт:

Потом же посла с братомъ. и со снмъ
Романомъ. люди свом. и воста Городенъ.
а сама воротистаса шт Бѣльска. потом же
посласта. многы свом пѣшцыѣ. и коньники
на град ихъ и плѣниша всю востчиноу ихъ.
странных. Миндог же посла сѣна си. и воева
школо Тоурьска Тогож лѣт. присла Миндовгъ.
к Данилоу. проса мироу и хота любви
и сватъствѣ. тогда же. Тевтиль прибѣже
к Данилоу. и Жембитъ и Мтвязъ река.
ико Миндовгъ. оубѣди и. серебромъ многимъ.
Данилоу же гнѣвъ имѣющю на нѣ. /стр. 819-820/.

Интересный случай употребления дательного самостоя-
тельного на месте простого самостоятельного предложения на-
ходим в Волынской части летописи:

Князю же Володимероу Васильковиѣ.
великомъ. лежашоу в болести. ѿ. лѣт.
болезн ж его. си. скажемъ /стр. 914/.

Оборот здесь, приводя важный факт, указывает тему следующе-
го рассказа и служит таким образом заглавием целой части
летописи, описывающей болезнь и смерть князя Владимира. Упо-
требление более крупных букв только подтверждает эту функцию.

Следовательно, писцы летописи могли пользоваться да-
тельным самостоятельным для того, чтобы выразить данные, ко-
торым придавали особенное значение и привлечь таким образом
внимание читателя.

Более многочисленную группу дательных самостоятельных
в значении независимого предложения образуют обороты, называ-
ющие одно или больше из ряда событий. Например:

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

72

потом же приведоша Соудислава. ко Мьстиславоу.
иному же не помыслившю. и немь зла.
но мсть емоу показавшю. ии же шбоуимаи
нозъ его. шбъщася работъ быти емоу.
Мьстиславоу же вѣровавшю словесемъ его.
и чотью великою. почтивъ его. и Звенигородъ
дасть емоу. /стр. 738/.

затворившю же са Арополкоу и Аволодоу
в Галичи. а Володиславъ выеде съ Оугры
и Чехы своими и собравъса с Галичаны.
и приде на рѣкоу Бобръкоу. /стр. 730/

штоудоу же идоша. и. дѣи до рѣкы Калкы.
стрѣтоша и сторожъеве Татарскыи
сторожемъ же бившимъса с ними. и оубьенъ
бы Иванъ Дмитрѣвичъ. инаи два с нимъ. /стр. 743/

Данилоу же князю воевавшю с Лахы землю
Галичькою. и школо Любачева. и плѣни
всю землю. Бельзеською. и Червеньскою.
даже и до оставшихъ. Василкоу же кнзю
многы плени приемшю стада коньска
и кобыла. и быс завистъ Ляхомъ.
и бившимъ посломъ ит шбоихъ и поущенъ
быс Дѣмянъ и Андрѣи. /стр. 746/

наоугрия же Даниль и Василко. посласта
люди свои. и немъ же стоимъ и теребачимъ
лѣсы школо града. гражаномъ же ни каменни
смѣющимъ вреши на нѣ. пресахоуся да бы
к нимъ прислалъ. Кондрать. Пакослава
и Мьстиоум. /стр. 756/.

Ростислав. же оустремиса приид на град
Ирославль. людемъ же бившимъ во град.
Даниловымъ и Василковымъ. и боиромъ многомъ.
видивъ же крѣпокъ град. поиде к Перемьшлю.
и собравъ тѣзмьльцѣ многы. сосоуды ратныи
и градныи и пороки. исполчивъ вои свои.
и пакы поиде ко Ирославлю. /стр. 800/.

Редкие случаи такого употребления дательного самостоятельно-
го находим тоже в Волынской части летописи, например:

Князю же по Воишелкови Шварнови
в Литовьской земли княживъ же лѣтъ
немного. и тако престависа. и положиша
тѣло его во цркви стои Бѣѣ близъ гроба
штна. /стр. 868-9/.

Приведенные примеры представляют эпизоды, состоящие каждый из ряда одновременных или последующих действий, которые выражаются независимыми предложениями и дательным самостоятельным в соединительной связи. Можно считать, что автор, заменяя некоторые из независимых предложений дательным самостоятельным, старается избежать однообразия в изложении событий и одновременно придать живость своему повествованию. Кроме того, он мог с помощью оборота акцентировать одно из описываемых событий, выделить его из ряда других.

С этой целью авторы пользуются тоже дательными самостоятельными, находящимися в сочинительной связи, которые скорее, чем событие выражают определенный факт, добавляемый к повествованию. В составе некоторых из этих оборотов имеется наречие тогда, в других случаях можно его подразумевать. Например:

бывши же зимѣ. приде ко Перемышлю.
Юрѣви тогда тысящю держаю. переда
Перемышль и бѣжа самъ ко Мѣстиславоу /стр. 748/

и тако приде Оугры. и приде к Соудиславоу.
Соудиславоу же тогда боудоушю Оугрѣх.
Соудиславъ же поимася. приде
королеви Андрѣеви. /стр. 764/

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

74

потом же король поиде на Лестька.
Данилови же оу Лестка соущю. Лестько
же посла посла своег. Лѣстьтича и Пакослава
воеводуу рекии /стр. 730-31/.

и возиидоша горожаны на избить стѣны.
и тоу бѣаше видити домъ конѣины.
и щеть скѣпаніе. стрѣлы шмрачша
свѣтъ побѣженных. и Дмитрови раненюу
бывшоу. /стр. 785/.

изииде же на празник стго Дмитрѣа.
помолився Боу. и приде Киевоу.
шбдержашоу Киевъ шрославоу бошриномъ
своимъ. Еиковичемъ. Дмитромъ. и пришед
в домъ архистратига Михаила. рекомыи
Выдобичъ и созва калоугеры. и мнискіи
чинъ. /стр. 806/.

Реже дательный самостоятельный в этой функции встре-
чается в Волынской части летописи. Например:

Въ лѣт . . . 5. 7. 6: 5. Кнажацоу Воишелкови
во Литвѣ. и Шварнови. иде Литва на ЛАХы
воевать. на Болеслава княза. идоша мимо
Дорогичинъ. слоуги же Шварновы. идоша
с ними и воеваша школо Скарешева, и около
Визьльжѣ. и Торжькоу. и взаша полона много.
тогда же Болеславоу князю болноу соущю
велми. потом же Болеславъ оусторобивса.
посла посоль свои. ко Шварнови. тогда
же Шварнови соущю в Новѣгородцѣ. тако
река. /стр. 864/.

Заметим, что первый из указанных оборотов можно было бы да-
же считать заменяющим простое независимое предложение.

Дательные самостоятельные, выражающие одно из основ-
ных действий или называющие определенный факт, находятся не
только в соединительной связи с окружающими глагольными пред-
ложениями, но также и в связи противительной. Считаем, что

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

75

авторы пользуются в таких случаях оборотом только в стилистических целях, именно, чтобы ярче противопоставить одно описываемое явление другому. Например:

Данилови Романовичю. князю бывшоу великоу.
вбладавшоу Роускою землею. Киевомъ
и Володимеромъ. и Галичемъ. со братомъ
си инѣми странами. ннѣ сѣдить. на колъноу.
и холопомъ называець. и дани хотать.
и живота не чаеть. /стр. 807-8/.

В этом случае с помощью дательного самостоятельного подчеркивается противоположность славы и достижений великого князя Данила Романовича и его нынешнего положения, когда он должен унижаться перед татарами. Возможно тоже, что употреблению оборота, т.е. средства, отличающегося книжностью, здесь способствовало стремление автора усилить торжественный тон своего повествования.

Подобное противопоставление бывшего /или обыкновенного/ и настоящего, т.е. описываемого события находим в следующем примере:

Мирославъ же бѣ во град иногда же храброу
емоу соущю бѣ вѣдать. тогда бо смоутися
оумомъ. створи миръ с кородемъ. бе свѣта
кназа Данила. и брата его Василка. /стр. 765/.

Как и предшествующий, данный отрывок отличается торжественным тоном повествования и интересом, с каким автор описывает данные события, прибавляя свои комментарии.

КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

Или:

Данилови же хоташоу гнати по нихъ.
Василко же возбранаше емоу. /стр. 804/.

Стилистическая функция дательного самостоятельного, т.е. усиление выражения противопоставления описываемых действий, опять чувствуется в этом примере. На значение противопоставления указывают уже грамматические средства параллелизма порядка слов обеих синтаксических единиц и употребление частицы же в качестве противительного союза.

Во всех указанных примерах дательный самостоятельный предшествует глагольному предложению. Только в единичных случаях оборот выражает второе действие, активно противопоставляемое первому, например:

оуверьнувшѣ же са Даниль на нь. и гна
и дале поприща. оному же оутекши пред нимъ.
борзости ради коньское. /стр. 734/.

Приведем еще несколько примеров из Галицкой части летописи, где усиление противопоставления с помощью формы дательного самостоятельного нередкое явление:

внѣм же стрѣляющимъ. и камене мещющимъ
на гражаны. изнемогахоу жажею водною
не бѣ бо воды в них. /стр. 738/

Данило бо творашоус. миръ сотворити
с ними. переводя ими. и бѣха в Ляхы.
по помощь /стр. 753/.

Итвазем же поѣхавши¹⁴ на помощь Данилоу.
не могоша доѣхати. зане снѣзи велицѣ быс. /стр. 819/.

¹⁴ В Хлебниковском и Погодинском списках летописи читаем поехавшим.

Только в единичных случаях дательные самостоятельные в данной функции употреблены в Волынской части памятника.

Например:

и поеха Василко кнѣзь со Лвом. и со влдкою. противоу Боурандаеви. поймавъ дары многы и питье. и срѣте и оу Шоумьски. и приде Василко со Лвомъ. и со влдкою. передо нь с дары. ѡному же великоу ѡпалоу. створшоу на Василка кнѣза и на Лва. влдка стоимше во оужасти величѣ /стр. 849/.

ѡтвазем же собравшимса. и не смѣша битися с ними. и тако придоша с побѣдоу и чстоу великою ко своимъ кнѣземъ. /стр. 870/

Мъстиславъ же ста на подворьи. и повѣдаша слоуги его Володимѣръ брат ти приѣхаль. ѡному же лежю в болести своеи. оуслышавъ братенъ приѣздъ. воставъ и сѣдѣ. и посла по брата. /стр. 901/.

и нача молвити. се лежю въ болести. а братъ мой придалъ ми. и еще болшее болести. мнѣ и еще живоу соущю. а ѡнъ роздаваетъ. города мое и села моа. ѡльны могль по моему животѣ роздавати. /стр. 900/.

В этом последнем примере дательный самостоятельный, употребленный в значении сопоставления, является частью прямой речи. Подобные примеры стилизации прямой речи /нет доказательств для того, что оборот употреблялся в разговорной речи/ исключительно редки.

Пример дательного самостоятельного в прямой речи находим тоже в Галицкой части летописи:

порокъ же емоу имоуще. великъ ѡт ѡбою братоу. пошто миръ створи. соущю ти. с великими вои. /стр. 766/.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

78

В отличие от предшествующего примера оборот здесь выступает в роли придаточного предложения, приводя важное обстоятельство. Однако, как мы сказали, употребление дательного самостоятельного для передачи слов определенного лица очень редкое явление, ограничиваясь в Галицко-Волынской летописи указанными двумя случаями.

Чаще дательный самостоятельный вводит прямую речь, т.е. является словами автора, показывающими на то, кому принадлежит высказывание. Эта группа оборотов широко представлена в Галицкой части летописи, находим их однако тоже в части Волынской. Например:

Мьстиславоу же повѣдавшю Даниливи
изииди из града. /стр. 734/

Въ лѣт. 75. 7. ке. Выиде Фила древле негорды
надѣаса шбаты землю потребити море. со
многими Оугры. рекшю емоу. единъ камень
много. горныцевъ избивать. а дروطое
слово емоу рекшю. прегордо шстры мечю
борзы коню. многаа Роуси. /стр. 736/

Данилови же рекшю. аще вы хочете ити
прочъ. но азъ хоцоу са шстатис самъ в малъ
дрижинѣ. и сождати воевъ мойхъ. /стр. 823/

Шнѣм же молващимъ. княже. лихо ездить рать
с тобою мала. приедоуть Ляховѣ мнози соромъ
ти будетъ великъ. /стр. 910/

Считаем, что такое употребление дательного самостоятельного можно объяснить стремлением автора ярче выделить прямую речь из окружающего контекста.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

79

В некоторых случаях дательный самостоятельный, вводя прямую речь, тоже некоторым способом определяет ее. Так например, оборот может раскрывать, в каких обстоятельствах и каким способом приведенная речь велась:

стоащимъ же моужемъ на заборолѣхъ.
и рекоушимъ имъ. тако молвьта великому
кнзю Кондрату. сии градъ не твои ли
есть. мы же моужи изнемоуше. и во градѣ
сем. /стр. 756/

Мьстиславоу же пославшоу отца своего
Тимофѣя. яко всоуе вклеветал ма. естъ
к вамъ Жирославъ /стр. 747/

Миндогови же прѣславшю слы своимъ. река
не чини има млсти. /стр. 815/.

Находим тоже пример, в котором оборот вводит не речь, а мысли определенного лица:

мыслашоу емоу. аще сего не приимоу
да сего держоу. /стр. 800/.

В других случаях дательный самостоятельный служит для определения уже прямо содержания приводимого высказывания, например:

Мирославоу же. запревьшоуса. яко
радомъ Чръвѣна не передалъ есим. /стр. 766/

хвалашоу же са емоу предъ вои своими.
и рекоушоу. аще бых. извѣдалъ гдѣ
Данила и Василко ѣхалъ бых на на.
аще бы ми с десятию воинъ. ехалъ быхъ
на ня. гогордашоу же са емоу /стр. 801/.

В последнем примере также второй оборот, следующий после

КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

прямой речи, надо считать относящимся к ней, показывающим на ее природу.

Подобно этому автор Галицкой части летописи пользуется дателъным самостоятельным для того; чтобы выразить реакцию адресата в отношении прямой речи. Например:

Василкови же мольващоу емоу. не погубимъ чсти княза своего. яко рать си. не можетъ града сего приати. бѣ бо мужь крѣпокъ. и храборъ. Давыдоу же не слоушавшоу егъ дико хоташе предати градъ /стр. 765/

Внomoу же рекшоу. Батыева грамота оу мене есть. внѣм же болма възвѣрившимся на нь ѣ оубьенъ быс. /стр. 829/.

Стиль летописи отличается и обильно представленными диалогами, где дателъный самостоятельный, указывая на то, кому принадлежит прямая речь, подчеркивает, что она переносится от одного лица к другому. Например:

Лахомъ же лаушимъ. рекоущимъ поженемъ на великыи борода Василкови же рекшоу. яко ложъ глѣсть есть вашъ, бѣ помощникъ нашъ есть. /стр. 804/.

Данилоу же королеви рекшоу емоу. злѣ створиль еси. дворьскомоу же штвѣшавшоу. не изъ не хотѣние мое. ни злое ны створиль. посоль не изнесъ слова права намъ. /стр. 834/.

Володимѣръ же нача вопрошати ихъ. ѡ Телебоузѣ. оуже ли пошель и землѣ Лядьскои. внѣм же повѣдающимъ пошель. а братъ ми Левъ. и Мѣстиславъ. и сновець ми. во здоровьи ли. внѣм же повѣдающимъ. гснѣ. добри вси и здоровѣ. и бодрѣ и слоуги. /стр. 899/.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

81

В иных случаях, именно для указания того, отличается ли диалог повторяемым чередованием говорящих лиц, дательный самостоятельный употреблен вместе с глагольными предложениями. Например:

Иквою же оудивившоуса. и прашавшоу вины.
про что поклонистаса. Доброславоу же рекшоу.
вдахъ има Коломью Иквою же рекшоу емоу.
како можеша бес повелением княжа шдати ю
сима. Ико величии князи держать сию Коломью
на роздавание шроужьникомъ си бо еста
недостойна. ни Вотьнина держати. шн же
оусмѣвъся реч то что могоу глати /стр. 790/

Татаромъ же приехавшимъ во Итвазѣ. ита
быста посла и прашаше гдѣ естъ Данило
шна же штвѣщаста в Милници естъ. шнѣм же
рекшимъ ико то естъ мирникъ нашъ братъ
его воевалъ с нами. тоуда идемъ. /стр. 848/.

Описывая отдельные стилистические функции, в которых дательный самостоятельный употреблен в Галицко-Волынской летописи, мы уже замечали, что в ее первой части оборот — необыкновенно частое явление. Приведем наконец два примера, ясно иллюстрирующие способность автора Галицкой части нагромождать обороты до такой меры, что почти все повествование ведется с их помощью, т.е. дательный самостоятельный становится местами одним из важнейших средств выражения вообще.

В первом отрывке речь идет о неудачной попытке галицких бояр убить князя Данила:

Въ лѣт. 75. 7. Ли. Крамолѣ же бывши
во безбожныхъ боярехъ Галицкихъ свѣтъ
створше. со братучадьемъ его Шлександромъ.

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

82

на оубење и преднее землѣ его. сѣдшимъ
же имъ в. доумѣ. и хоташимъ шгнемъ зажеци.
млствомоу. Бѣоу. вложивашо. в сердце
Василькоу. изиити вонѣ. и шбнажившоу
мѣчь. своѣ. играа на слоугоу королева.
иномоу похвативши¹⁵ шить играючи невернымъ
Молибоговидьчымъ. оузрѣвши се. страх имъ
быс шт Бѣ. рекшимъ. яко свѣтъ нашъ
раздроушися. и побѣгшимъ имъ. яко шканьны
Стополкъ. шнѣмъ бѣгающимъ. и еще не оувѣдавшоу
кнѣзю Данилоу. и Василкоу. /стр. 762/.

Подобно этому употребительным средством выражения выступает оборот и в следующем примере, где описывается ход сражения русских войск с Ятвягами:

Данилови же. кнѣзю. пошедшоу напередѣ.
и штшедшоу далече с Болеславлѣ Лажы.
Василкови же. шставшоу. со Сомовитомѣ.
Лазоревѣ же назадѣ бывшоу с Половци.
нападоша на нѣ крѣпко и хороугвь его
штца. прибѣгши¹⁶ же емоу к Василкови.
и Сомовитовѣ быс бранѣ люта. межи има.
падающимъ же шт обоихъ много. Василкови
же и Сомовитовѣ. крѣпко держати бранѣ.
Андрѣевѣ же дворьскомоу. сердце крѣпко
имоушю. нездравие же. тѣло его. шбъдержаше
и роуцѣ. потокшоу же емоу. во ротныѣ. копие
опоусти. и за мало не оубењѣ быс посла же
Василко ко братоу си. гла. яко бранѣ си
велика е. тѣ. потѣсниса к намѣ. Данилови.
же навратившоуса. и гнаша ѣ до лѣса.
шнѣмъ же шдинако. належашимъ на нѣ.
падшимъ же многимъ. межи ими. /стр. 811-12/.

Приведенные отрывки напоминают друг друга. В отношении тематики оба описывают в общем военные события. Оба

¹⁵ В Хлебниковском и Погодинском списках летописи читаем похватившю.

¹⁶ Там же читаем прибегшю.

отличаются быстротечностью повествования — одно действие следует за другим, автор при этом однако успевает довольно детально описать данную ситуацию. Оба отрывка представляют пример драматичного повествования и рассказаны в том же торжественном тоне. Это в сущности обстоятельства и результаты употребления, больше того — нагромождения дательного самостоятельного в Галицкой части вообще. Здесь использование оборота доведено до крайности.

Мы рассмотрели стилистические функции, в которых дательный самостоятельный употребляется в Галицко-Волынской летописи. Как показал текст памятника, оборот здесь встречается в ряде функций. Выражая временные обстоятельства, часто с помощью повторяемых выражений, дательный самостоятельный выделяет начало новой записи, эпизода или нового направления в развитии действия и заменяет таким способом более точное указание времени. Летописцы далее пользуются оборотом в роли как придаточного, так и независимого предложений, чтобы проиллюстрировать основные события, уточнить их указанием обстоятельств, пополнить детали, составляющие рамки действия и раскрыть комплекс явлений, образующих описываемое событие.

Дательный самостоятельный в значении независимого предложения выполняет в летописи ряд других стилистических

КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

функций: выделяет основное или важное событие, которое далее уточняется с помощью других языковых средств, или стоит даже совсем /отдельно, обозначает одно или больше чередующихся действий и служит также средством их противопоставления. Авторы тоже прибегают к этому типу дательного самостоятельного с целью ввести в повествование прямую речь и нередко весь диалог.

Хотя дательный самостоятельный встречается в описанных стилистических функциях на протяжении всего памятника, его употребление в отдельных частях летописи не равномерно.

В Волынской части летописи, где дательный самостоятельный — сравнительно не частое явление, его использование почти ограничивается целью ввести раздел в повествование указанием временных обстоятельств, именно в начале нового развития действия.

Напротив, в Галицкой части летописи дательный самостоятельный уже больше, чем общая черта языка, летописи; он здесь является прямо чертой индивидуального стиля автора. Составитель этой части летописи пользуется оборотом с необыкновенной частотой во всех указанных стилистических функциях с целью в общем избежать однообразия как в выборе языковых средств, так и в манере изложения событий, чтобы украсить и оживить свое повествование и возможно придать ему

ДАТЕЛЬНЫЙ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ
КАК СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО

85

торжественность, соблюдая его быстрый ход при указании всех основных и побочных действий и их отношений.

Дательный самостоятельный является одной из основных черт стилистической манеры автора, вообще отличающейся индивидуальностью. В ней, кроме стремления писать книжным языком, выделяется его тяготение к образному, эмоциональному способу передачи событий, к украшению и выработанности произведения.

Таким образом можно заключить, что дательный самостоятельный, выражая различные грамматические значения, играет в Галицко-Волынской летописи тоже роль стилистического средства, применяемого в зависимости от индивидуального стиля автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ дательного самостоятельного в Галицко-Волынской летописи показал, что оборот способен был выполнять ряд синтаксических и, в то же время стилистических функций, из которых некоторые не встречаются в старославянском языке.

Известно, что в старославянских памятниках отсутствуют примеры дательного самостоятельного со значением независимого предложения. Галицко-Волынская летопись, именно ее первая часть, где таких оборотов больше половины, свидетельствует о том, что дательный самостоятельный в языке древнерусской литературы употреблялся в более широкой сфере и что значение независимого предложения было обыкновенным свойством оборота.

Употребительность оборота шире тоже в том смысле, что если в старославянских памятниках встречаем только небольшое число дательных самостоятельных, подлежащее которых совпадает с подлежащим глагольного предложения, к которому они присоединяются, в Галицко-Волынской летописи таких случаев уже почти половина.

Радикальный контраст между частями летописи далее показал, что в отличие от старославянских текстов использование свойств дательного самостоятельного и частота его употребления здесь зависит от индивидуальной манеры письма автора.

В этом отношении Волынская часть летописи стоит бли-

же к старославянским памятникам, чем ее первая — Галицкая часть. В Волынской части летописи широко преобладают случаи, в которых дательный самостоятельный играет типичную для него роль придаточного предложения времени. Трудно говорить об индивидуальном стилистическом применении оборота. Также частотой его употребления Волынская летопись не выделяется из ряда других памятников, позволяющих сравнение. Таким образом, можно считать, что дательный самостоятельный в ней присутствует, хотя и с более широкими значениями, как одно из типичных средств старославянского языка, послужившего образцом языку летописи.

В Галицкой части летописи дательный самостоятельный тоже широко употребителен для выражения временных отношений, далее встречается на месте придаточного предложения причины и хотя реже, но убедительно заменяет придаточные предложения дополнительные, определительные, следственные, целевые и уступительные. Еще важнее тот факт, что оборот здесь в больше чем половине случаев выступает со значением независимого предложения. Эти дательные самостоятельные находятся в соединительной или противительной связи с глагольным предложением или даже служат главным в отношении к подчинительному предложению и также стоят совсем отдельно.

Кроме синтаксических значений дательный самостоятельный имеет в Галицкой части летописи ряд стилистических функ-

ций, которые надо считать признаком индивидуального стиля автора. Важнейшая его черта — исключительная частота употребления оборота.

Галицкая летопись свидетельствует о том, что даже если дательный самостоятельный не существовал в живом разговорном языке, его употребление в языке древнерусской литературы отличается от старославянских памятников своеобразностью и жизненностью. С другой стороны автор Галицкой части летописи наверно должен был чувствовать определенную специальность оборота, употребление которого ограничивалось письменным языком литературных произведений, создаваемых на языке, отличающемся не только от разговорного языка, но и от языка письменных документов, стоящих вне литературы.

Возможно, что комбинация этих двух данных — легкость использования оборота при его всесторонности и сознание его относительной исключительности как средства книжного старославянского языка и ведут к столь частому употреблению дательного самостоятельного в Галицкой части летописи.

БИБЛИОГРАФИЯ

А. Первоисточник

Ипатьевская летопись, Полное собрание русских летописей, Издательство восточной литературы Института истории АН СССР, том 2, Москва, 1962. /Воспроизведение текста издания 1908 года/.

Б. Второстепенные источники на русском и украинском языках

Г. Специфические труды

Белоруссов, И., "Дательный самостоятельный падежъ въ памятникахъ церковно-славянской и древне-русской письменности", Русский филологический вестник, том 41, 1899, стр. 71-146.

Бирнбаум, Хенрик (Henrik Birnbaum), "Общеславянское наследие и иноязычные образцы в структурных разновидностях старославянского предложения", On Medieval and Renaissance Slavic Writing, Selected Essays, The Hague, 1974, стр. 81-115.

Борковский, В.И., "Два синтаксических этюда", Славянска филология, том 3, София, 1963, стр. 247-254.

Граве, Л.В., "Две разновидности дательных самостоятельных в древнерусском языке", Ученые записки Смоленского государственного педагогического института им. Карла Маркса, вып. 9, 1958, стр. 68-85.

-----, "Именная и чденная форма причастий в роли предиката дательного самостоятельного в древнерусском языке", Ученые записки Смоленского госуд. пед. института, вып. 13, ч. 1, 1964, стр. 183-195.

-----, "Об одном стилистическом приеме в русском литературном языке XVI-XVII вв.", Ученые записки Смоленского госуд. пед. института, вып. 24, 1970, стр. 204-216.

Истрина, Е.С., "Синтаксические явления синодального списка I Новгородской летописи", Известия Отделения русского языка и словесности, том 24 /1919/, кн. 2, 1923, стр. 1-172, том 26 /1921/, 1923, стр. 207-239.

Карский, Е.Ф., "Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи", Известия по русскому синтаксису и словесности, том 2, кн. 1, Ленинград, 1929, стр. 1-75.

Коробчинская, Л.А., "Дательный самостоятельный в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку 1377 г.", Доповіді та повідомлення Львівського Держ. Університету, вып. 3, ч. 1, 1952, стр. 19-21.

Мразек, Роман, "Дательный падеж в старославянском языке", Исследования по синтаксису старославянского языка, Мосиф Курц, редактор, Прага, 1963, стр. 225-261:

Никольский, А., "О языке Ипатской летописи", Русский филологический вестник, том 41, 1899, стр. 238-275 и том 42, 1899, стр. 23-110.

Скупский, Б.И., "Об одном греческом соответствии дательного самостоятельного", Филологические науки, ч. 4, 1973, стр. 47-57.

2. Общие труды

Борковский, В.И., Синтаксис древнерусских грамот /Простое предложение/, Львов, 1949.

-----/Редактор/, Сравнительно исторический синтакс восточно-славянских языков, Члены предложения, Москва, 1968.

----- и П.С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Москва, 1963.

Булаховский, Л.А., Исторический комментарий к русскому литературному языку, Киев, 1958.

Буслаев, Ф.И., Историческая грамматика русского языка, Москва, 1959.

Генсьорский, А.Г., Галицько-Волинський літопис /Лексичні, фразеологічні та стилістичні особливості/, Київ, 1961.

Горшков, А.И., Старославянский язык, Москва, 1963.

Ломоносов, М.В., Российская грамматика, Полное собрание сочинений, том 7, Труды по филологии 1739-1758 гг., Москва, 1952.

Грушевский, Михайло, Історія української літератури, том 3, Київ, 1923, /переиздано, Нью-Йорк, 1959/.

Гудзий, Н.К., История древней русской литературы, Москва, 1966.

- Еремин, П.И., Литература древней Руси, Москва, 1966.
- Иванов, В.В., Историческая грамматика русского языка, Москва, 1964.
- Потебня, А.А., Из записок по русской грамматике, том I-2, Москва, 1958.
- Соколова, М.А., Очерки по исторической грамматике русского языка, Ленинград, 1962.
- Спринчак, Я.А., Очерк русского исторического синтаксиса /Простое предложение/, Киев, 1960.
- Срезневский, И.И., Мысли об истории русского народа, Москва, 1959.
- Стеценко, А.Н., Исторический синтаксис русского языка, Москва, 1972.
- Черных, П.Я., Историческая грамматика русского языка,* Москва, 1954.

В. Второстепенные источники

на других языках

I. Специфические труды

- Andersen, Henning, "The Dative of Subordination in Baltic and Slavic", Baltic Linguistics, Thomas F. Magner and William R. Schmalstieg, eds., University Park, 1970, p. 1-9.
- Berent, Gerald Phillip, A Generative Approach to the Slavic Dative Absolute, The University of North Carolina at Chapel Hill, Ph.D. thesis, 1974.
- Birnbaum, Henrik, "On Deep Structure and Loan Syntax in Slavic", Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris O. Unbegaun, Robert Magidoff et al., eds., New York, 1968, p. 21-31.

- Kurz, Josef, "Problematika zkoumání syntaxe staroslověnského jazyka a nástin rozboru částic i, a a pod. v konstrukcích participiálních vazeb s určitými slovesy", K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků, Jiří Daňhelka, ed., Praha, 1958, p. 89-107.
- Nečásek, Ladislav, "Staroslověnské dativní vazby participiální a jejich předlohy v řeckém textu evangelií", Slavia, 26, 1957, p. 13-30.
- Polák, Václav, "Poznámky k staroslověnskému dativu absolutnímu", Slovanské studie (Sbírka statí věnovaných Josefu Vajsovi), Josef Kurz et al., eds., Praha, 1948, p. 106-110.
- Růžička, R., "Struktur und Echtheit des altslavischen dativus absolutus", Zeitschrift für Slavistik, 6, 1961, p. 588-596.
- Shevelov, George Y., "On the Lexical Make-Up of the Galician-Volhynian Chronicle", Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris O. Unbegaun, Robert Magidoff et al., eds., New York, 1968, p. 195-207.
- Stanislav, Jan, "Datív absolutný v starej cirkevnej slovančině", Byzantinoslavica, 5, 1933, p. 1-112.
- Trost, Pavel, "O dativu absolutním", Sborník Slavistických prací věnovaných IV. mezinárodnímu sjezdu slavistů v Moskvě, Karel Horálek, ed., Praha, 1958, p. 33-36.
- Tschižewskij, Dmitrij, "Zum Stil der Galizisch-Volynischen Chronik", Südostforschungen, 12, Munich, 1953, p. 79-109.
- Worth, Dean Stoddard, "Phraseology in the Galician-Volhynian Chronicle, A Study in Distributional Stylistics", The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the U.S., 8, 1960, p. 55-69.

2. Общие труды

Čiževskij, Dmitrij, History of Russian literature, from the eleventh century to the end of the Baroque, The Hague, 1960.

Horálek, Karel, Úvod do studia slovanských jazyků, Praha, 1955.

Kurz, Josef, Učebnice jazyka staroslověnského, Praha, 1969.

Miklosich, Franz, Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, 4, Syntax, Heidelberg, 1926.

Večerka, Radoslav, Syntax aktivních participií v staroslověštině, Praha, 1961.

Vondrák, Wenzel, Vergleichende slavische Grammatik, 2, Formenlehre und Syntax, Göttingen, 1928.

APPENDICE
SOMMAIRE DE

Le Datif absolu dans la Chronique de Galicie ^{et} Volhynie.¹

Le datif absolu slave est une construction absolue, composée d'un sujet nominal et d'un participe, d'ordinaire actif, accordés en datif. Fréquent en vieux slavon, il est plus tard employé dans les monuments de la littérature russe, d'où il a disparu vers la fin du XVIIe siècle.

Dans le passé, plusieurs aspects du datif absolu n'ont pas été expliqués d'une manière satisfaisante. L'intérêt des linguistes se portait avant tout sur le problème de son origine. D'autres aspects, notamment la structure du datif absolu, ses fonctions sémantiques et syntaxiques, de même que les possibilités de son emploi stylistique ont été étudiés beaucoup moins souvent.

Ainsi, le but de ce travail est d'examiner la recherche antérieure sur l'origine du datif absolu en vieux slavon et en russe littéraire et, surtout, d'analyser l'emploi sémantique et syntaxique du datif absolu ainsi que son fonctionnement sur le plan du style dans la Chronique de Galicie et Volhynie.

¹ Jarmila Cech, thèse de maîtrise en Etudes Slaves présentée au Département des Etudes Slaves de l'Université d'Ottawa, 1977, vi + 104 pages.

La Chronique de Galicie et Volhynie se prête bien à notre analyse. Complétée vers la fin du XIIIe siècle et incluse comme troisième partie dans le Recueil d'Ipatiev daté à peu près de 1425; elle est appréciée comme un monument littéraire, mais toujours peu étudiée du point de vue linguistique. Son texte, qui contient un nombre élevé de cas du datif absolu, est composé de deux parties compilées par des auteurs différents - la Chronique Galicienne qui s'ouvre en 1205 et finit en 1260 et la Chronique Volhynienne qui mène son récit de 1261 à 1292.

Le Chapitre I est consacré à la revue des travaux traitant le problème de l'origine du datif absolu slave.

Commencant par les premières grammaires historiques des langues slaves, les linguistes ont tenté de répondre à la question fondamentale: le datif absolu est-il une construction empruntée au grec où est-il un phénomène d'origine slave?

La langue grecque exerçait une influence marquée sur le vieux slavon surtout dans le domaine de la syntaxe. Le grec possédait le génitif absolu dont l'emploi correspondait fondamentalement à celui du datif absolu slave. Cette construction n'avait été employée qu'en vieux slavon et dans la langue des monuments littéraires russes, qui lui est très proche. On ne trouve que les traces possibles du datif

absolu en d'autres langues slaves et leurs dialectes.

Sur ces faits les linguistes comme I. Biélorussov, K. Horálek, L. Nečásek, R. Večerka et d'autres posent l'hypothèse que le datif absolu est apparu en vieux slavon sous l'influence du grec. Mais ils soulignent qu'il ne s'agit pas d'un emprunt direct. Nečásek estime que les premiers traducteurs Constantin et Méthode ont choisi le datif parce que ce cas convient à la construction absolue en slavon mieux que le génitif de la construction grecque. Večerka croit que dans les langues slaves, il y avait des prédispositions pour le datif absolu, mais que celui-ci ne s'est formé pleinement qu'en vieux slavon, inspiré en cela par le grec. Biélorussov, L.V. Grave et d'autres notent aussi que le datif absolu, et avant tout celui qui est attesté dans les monuments littéraires russes, a élargi le domaine de son emploi, c'est-à-dire que apparu sous l'influence grecque, il est devenu un phénomène original. D'après ces linguistes, cette construction n'appartenait qu'au vieux slavon, les traces du datif absolu dans d'autres langues slaves sont considérées comme un reflet du vieux slavon ou trop rares pour être convaincantes. Les formes participiales rappelant le datif absolu des dialectes bulgares sont selon Večerka, expliquées comme des formes modifiées par analogie avec des adverbes.

D'un autre côté, les linguistes comme F. Miklosich,

W. Vondrák, J. Stanislav, V.I. Borkovskij et d'autres supportent l'hypothèse de l'origine slave du datif absolu. Miklosich et Vondrák de même que Stanislav et P. Trost rappellent l'existence du datif absolu en gothique et d'autres dialectes vieux-allemands. Les langues baltiques - le lituanien et le letton, les plus proches des langues slaves, possédaient le datif absolu, sans doute d'origine local. D'après Trost, il s'agit d'un phénomène balto-slave qui, tout en se maintenant en langues baltiques, a disparu des langues slaves. En comparant les textes vieux-slaves avec leurs originaux grecs, F.I. Buslaev, Vondrák et avant tout Stanislav, notent l'indépendance des traducteurs qui emploient le datif absolu suivant le sens et les relations syntaxiques, pas seulement pour traduire le génitif absolu qu'ils pouvaient d'ailleurs remplacer par d'autres moyens vieux-slaves.

Mais avant tout on cite les formes et expressions de différentes langues et dialectes slaves rappelant le datif absolu. Miklosich note les exemples de cette construction dans les textes vieux-tchèques et polonais ainsi que son emploi en ukrainien (ici avec le participe à la forme du gérondif ^{invariable} ~~inchangeant~~). Si Stanislav traite les données des dialectes ukrainiens avec prudence, il accepte certaines formes participiales des dialectes bulgares comme une des preuves les plus frappantes en faveur de l'origine slave de

cette construction.

L.A. Bulakhovskij, de même que Borkovskij, tournent leur attention vers certaines expressions en documents non-littéraires vieux-ukrainiens et bielorussiens des XIV - XVIIe siècles, ainsi que les données des dialectes russes du Nord et parlars russes du Sud. Mais si Bulakhovskij caractérise le datif absolu des monuments littéraires russes comme un trait vieux-slave, Borkovskij croit possible que son emploi y est basé sur son existence en langues slaves de l'Est.

Après avoir étudié le débat sur l'origine du datif absolu il ne reste qu'à constater que ce problème n'a pas, de nos jours, abouti à une conclusion universellement acceptée. S'il est clair que le datif absolu n'est pas un calque mécanique du grec, il ne faut pas exclure la possibilité de l'influence grecque sur sa formation, et il est nécessaire d'étudier dans quelle mesure elle a trouvé des prédispositions en vieux slavon. D'autre part, les données des langues slaves de l'Est, leurs dialectes et documents méritent une étude en profondeur pour y déterminer la valeur des traces possibles du datif absolu.

Mais indépendamment de leur opinion sur son origine, les linguistes sont d'accord sur le fait que le datif absolu s'est développé en vieux russe littéraire d'une façon spécifique. Examiner les caractéristiques du datif absolu employé

dans la Chronique de Galicie et Volhynie et ses différences en comparaison avec le datif absolu des monuments vieux-slaves constitue le but des deux chapitres suivants.

L'analyse de tous les cas du datif absolu dans la chronique, présentée au Chapitre II vise à déterminer les fonctions sémantiques et l'emploi syntaxique de cette construction.

Le texte de la Chronique de Galicie^{et} Volhynie contient 743 exemples de l'emploi du datif absolu. La fonction de 367 de ces cas s'approche de celle des propositions subordonnées, de différentes espèces.

Le datif absolu remplaçant une proposition temporelle, noté dans 285 cas, est le plus courant. Dans les deux tiers de ces cas, la construction contient un participe passé indiquant une action précédante à celle de la proposition principale. Dans le reste des cas le participe présent exprime une action contemporaine du temps du verbe de la principale.

Les exemples du datif absolu en fonction d'une proposition causale sont beaucoup moins nombreux, le texte de la Chronique en contient seulement 57.

Le datif absolu avec d'autres fonctions est peu fréquent, mais les exemples trouvés témoignent bien leur

existence. Dans 10 cas la construction joue le rôle d'une proposition relative, 7 sont employées au lieu d'une complétive, 3 à la place d'une consécutive, également en 3 cas le datif absolu marquant le but et finalement on rencontre 2 exemples de cette construction fonctionnant comme une proposition concessive.

On ne trouve que 10 exemples du datif absolu introduit par une conjonction indiquant son sens, comme de règle il est simplement juxtaposé ou joint par la conjonction i. La même situation existe en ce qui concerne les propositions subordonnées verbales, notamment temporelles, l'usage d'une proposition y étant assez rare.

Les fonctions du datif absolu décrites ci-dessus correspondent à l'usage de cette construction dans la littérature vieux-slave. Mais contrairement au vieux slavon où la fonction d'une subordonnée constitue l'emploi unique de la construction, la Chronique de Galicie^{et} Volhynie témoigne que le datif absolu des monuments littéraires russes s'employait dans un cadre plus large, notamment qu'il pouvait remplir le rôle d'une proposition indépendante.

Dans la Chronique étudiée on trouve 376 exemples de datif absolu en fonction d'une proposition indépendante, c'est-à-dire plus que la moitié de tous les cas. Le datif absolu en fonction d'une proposition indépendante peut se trouver

dans une phrase coordonnée, normalement au début, au milieu ou à la fin d'une chaîne de propositions indépendantes, indiquant des actions successives où, plus rarement, contemporaines. Cette construction est aussi employée en opposition à une indépendante verbale. Dans quelques cas cette relation est renforcée par une conjonction d'opposition.

Un autre groupe bien nombreux est formé par les constructions dont la fonction est directement opposée à celle du datif absolu en vieux slavon, c'est-à-dire que le datif absolu est utilisé pour une proposition principale vis-à-vis une proposition verbale subordonnée de différentes espèces. Cette relation est toujours indiquée par une conjonction correspondante.

On trouve fréquemment aussi des cas où le datif absolu précède le discours direct, indiquant la personne qui parle.

Dans quelques cas exceptionnels, le datif absolu est même capable d'exprimer une idée complète, c'est-à-dire qu'il correspond à une proposition simple.

L'analyse du Chapitre II a démontré que le datif absolu est employé en diverses fonctions syntaxiques. Mais ce fait n'explique pas encore pourquoi la construction étudiée est tellement fréquente dans le texte de la Chronique.

Le nombre de cas du datif absolu dans la Chronique dépasse de beaucoup le nombre trouvé dans les monuments com-

parables, comme par exemple le Récit des temps passés (Povest vremennykh let) du Recueil d'Ipatiev (316 cas), la Chronique de Souzdal (204 cas) ou la Chronique de Moscou (364 cas).

Mais la Chronique de Galicie et Volhynie atteste les différences de l'emploi du datif absolu même sans comparaison avec d'autres monuments. C'est sa première partie, la Chronique de Galicie qui, avec 648 cas de la construction sur 133 pages, se distingue par la fréquence du datif absolu. La deuxième partie, la Chronique de Volhynie ne contient sur 89 pages que 95 constructions. Aussi, la première partie de la Chronique se met à part, du fait que, plus de la moitié des cas du datif absolu y jouent le rôle d'une proposition indépendante. Ce phénomène, noté en langue littéraire russe du XVe au XVIIe siècles est expliqué par L.V. Grave par l'emploi de la construction dans le but stylistique.

Le Chapitre III est donc consacré à l'analyse du datif absolu dans la Chronique de Galicie-Volhynie du point de vue stylistique pour déterminer si cette construction a servi de moyen stylistique, dans quel but et aussi à quel degré son emploi stylistique dépendait du style individuel.

Rappelons que la Chronique de Galicie-Volhynie se distingue par sa forme qui, au lieu d'être une suite d'inscriptions isolées pour chaque année, est une description, souvent très détaillée, de causes et d'effets. Dans cette

Chronique, originalement compilée sans dates, le datif absolu marquant une période de temps (fréquemment en forme d'une expression fixée traditionnelle) est très souvent employé pour introduire et souligner par sa forme le début d'un nouveau récit ou un épisode.

En plus, le datif absolu (en fonction d'une proposition subordonnée avant tout) sert pour illustrer les événements importants, pour les éclairer en indiquant leurs conditions et détails additionnels sans ralentir le rythme du récit. Dans la partie galicienne la force de cette construction est souvent de mise pour varier les moyens d'expressions et ainsi éviter la monotonie résultant de la description répétée de situations semblables et des limitations des moyens lexiques.

Mais les constructions en fonction d'une proposition indépendante sont aussi capables de mettre à part une action principale, de renforcer son opposition ou son contraste à une autre action ou situation et même de résumer le contenu d'un récit. Souvent, un datif absolu précède immédiatement le discours direct en indiquant la personne qui s'exprime et en caractérisant son discours.

Et on rencontre finalement dans la Chronique de Galicie les épisodes écrits presque entièrement en forme d'une suite des datifs absolus ce qui ne peut s'expliquer que par le penchant de l'auteur pour cette expression.

Si le datif absolu est utilisé dans des buts stylistiques divers à travers la Chronique, l'emploi stylistique de la construction est loin d'y être uniforme. Il est beaucoup plus varié dans la Chronique de Galicie, mais il est limité dans la Chronique de Volhynie à l'indication du début d'un récit ou à son nouveau développement. Ainsi, le datif absolu sert de moyen stylistique dans des buts dont l'usage dépend du style individuel.

L'analyse du datif absolu dans la Chronique de Galicie-Volhynie témoigne que cette construction fut utilisée dans plusieurs fonctions syntaxiques dont celle d'une proposition indépendante est inattestée en vieux slavon. Aussi, l'emploi stylistique individuel du datif absolu est inconnu en vieux slavon.

En comparant les deux parties de la Chronique avec l'emploi du datif absolu dans les monuments vieux slaves, il faut noter que la Chronique de Volhynie lui est plus proche. Le datif absolu y joue le rôle, le plus souvent, d'une proposition subordonnée. Son emploi stylistique individuel est peu marqué, sa fréquence correspond aux autres monuments vieux russes.

C'est la Chronique de Galicie qui témoigne que, même si le datif absolu n'existait pas en vieux russe, son emploi en langue littéraire se distinguait du vieux slavon par les

caractéristiques spécifiques et une vitalité indépendante.

Mais d'autre part, son auteur devait percevoir une certaine exclusivité de cette construction employée seulement dans la langue littéraire russe modelée sur le vieux slavon.

C'est peut être, la combinaison de ces deux éléments:

l'aisance et l'universalité avec lesquelles l'auteur de la Chronique de Galicie a appris à employer le datif absolu avec la perception de son exclusivité, qui a provoquée l'emploi tellement fréquent du datif absolu dans cette partie de la de la Chronique.